

51

ДРАКОН

СБОРНИК
АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ ДРАКОН

**Сборник
американской фантастики**

Выпуск 1

МОСКВА, ИМА-ПРЕСС, 1990

ББК 84.7 США
П 99

Библиотека газеты «Волжский комсомолец»

Составление Г.Кузьмина
Художник А.Егоров

П 99 Пятьдесят первый дракон: Сборник американской фантастики: Вып. 1: Пер. с англ. /Пер. В. Постникова, А. Корженевского. — М.: ИМА-пресс, АПН, 1990. — 96 с.: ил. 3.

ISBN 5-7070-0006-2

П ~~4708040100-4~~
~~067(02)-90~~ без объявл.

ББК 84.7 США

ISBN 5-7070-0006-2

© А. Корженевский, переводчик, 1990
© В Постников, переводчик, 1990
© Составление, оформление
ИМА-пресс, АПН, 1990.

При участии рекламно-информационного агентства «Вект»

Хейвуд Браун
(США)

ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ ДРАКОН

Среди учеников рыцарской школы Гавейн Сильное Сердце* принадлежал к тем, кто не подавал почти никаких надежд. Высокий и крепко сбитый, он, как вскоре обнаружили его наставники, оказался слабоват духом. Во время занятий по рыцарским поединкам он, бывало, прятался в лесу, хотя сотоварищи и учителя, желая пробудить лучшие чувства его души, кричали ему, призывая его выйти и сломать себе шею, как настоящий мужчина. Но даже когда ему говорили, что концы копий обиты войлоком, вместо лошадей у них пони, а поле необычайно мягкое для поздней осени, энтузиазма Гавейн все равно никакого не выказывал.

Как-то весной Директор школы обсуждал «дело Гавейна» с Учителем манер и этики. Последний считал, что есть только одно средство — исключение из школы.

— Нет, — не согласился Директор, глядя из окна на окружавшие школу багряные холмы. — Я, пожалуй, научу его убивать драконов.

— Он может погибнуть, — возразил Учитель.

— Может, — весело ответил Директор и уже серьезнее добавил: — Не забывайте о главном. Ведь мы отвечаем за формирование характера этого парня.

— А что, разве драконы в этом году особенно лютуют? — прервал Учитель Директора. Так уж у них повелось: стоило только главе школы заговорить об этике и об идеалах их заведения, как он тут же норовил представить возражения.

— Да уж куда больше, — ответил Директор. — На прошлой неделе вон на тех холмах, к югу, они убили нескольких крестьян, объели двух коров и отменную

свинью. А сохранится эта сухая погода, то кто поручится, что они не подожгут лес, — ведь им только стоитдохнуть неосмотрительно.

— А не придется возвращать плату за обучение, если с молодым Сильное Сердце что-нибудь случится?

— Нет, — рассудительно ответил Директор. — Все это предусмотрено в контракте. Впрочем, его не убьют. Прежде чем отправить его на эти холмы, я сообщу ему волшебное слово.

— Неплохая идея, — согласился Учитель. — Волшебное слово иногда творит чудеса.

И вот с того самого дня Гавейн стал специализироваться по драконам. Курс его обучения включал в себя как теорию, так и практику. По утрам он слушал длинные лекции по истории, анатомии, о манерах и привычках драконов. Во время этих штудий Гавейн ничем себя не проявил. Он обладал поистине универсальным даром все забывать. Пополудни же, однако, когда он отправлялся на Южный Лужок и упражнялся там с боевым топором, он показывал себя в более выгодном свете. Здесь он действительно демонстрировал молодецкую удаль, так как обладал не только огромной физической силой, но и ловкостью и сноровкой. Ему даже удавалось напускать на себя показную свирепость. Бывшие ученики рассказывают, что наблюдать за тем, как Гавейн несется по полю к чучелу дракона, установленному специально для практики, было одно удовольствие. На бегу он размахивал своим топором и кричал: «Чтоб ты сдох, зараза!» — или еще какое-нибудь сочное школьное выраженьице. Чтобы отсечь голову чучелу, ему всегда хватало одного удара.

Задачу ему постепенно усложняли. Бумага уступила место папье-маше и наконец дереву, но Гавейну были не страшны даже самые крепкие из этих чучел — дело вершил один взмах топора. Находились, правда, люди, которые утверждали, будто, когда практику продлевали до сумерек и драконы отбрасывали на землю причудливые длинные тени, Гавейн атаковал уже не так стремительно и кричал не так громко. Вероятно, тут не обошлось без злопыхательства. Во всяком случае, к концу июня Директор решил, что настало время для испытания. Не далее как накануне ночью один дракон подобрался к самой территории школы и пожрал в огороде салат-латук. Преподавательский коллектив решил, что Гавейн закончил курс

обучения. Ему выдали диплом и новый боевой топор, а Директор пригласил его для личной беседы.

— Садись, — сказал Директор. — Бери сигарету.

Гавейн заколебался.

— Да, я знаю, это против правил, — сказал Директор. — Но в конце концов первую свою ученую степень ты уже получил. Ты уже не мальчик — ты мужчина. Завтра ты вступишь в мир, в большую жизнь достижений и побед.

Гавейн взял сигарету, Директор предложил ему спичку, но он вытащил свою и принялся попыхивать, да так ловко, что Директор немало удивился.

— Здесь ты изучил теории жизни, — продолжал Директор, подхватывая нить прерванного разговора. — Но ведь жизнь в конечном счете — это не теории. Жизнь — это факты. Она вынуждает как молодых, так и старых считаться с этими фактами, как они ни грубы, а порой и неприятны. Твоя, например, задача — разить драконов.

— Говорят, в южном лесу эти драконы по пятьсот футов в длину, — отважился Гавейн.

— Вздор! — отвечал Директор. — На прошлой неделе священник видел одного с вершины Артурова холма. Дракон грелся внизу в долине. Возможности разглядывать дракона слишком долго у священника не было, потому как он посчитал своим долгом поскорее вернуться сюда и сообщить мне. Он заявил, что чудовище, или, вернее, большая ящерица, было ничуть не длиннее двухсот футов. Впрочем, размер тут совершенно ни при чем. Сам увидишь, что с большими даже проще расправляться, чем с маленькими. Как мне сказали, они не столь подвижны и не так агрессивны. К тому же, прежде чем отправиться против них, ты будешь так экипирован, что тебе совершенно будут не страшны все драконы в мире.

— Мне бы волшебную шапочку, — попросил Гавейн.

— Это еще что такое? — раздраженно спросил Директор.

— Шапочка, которая поможет мне стать невидимым, — объяснил Гавейн.

Директор снисходительно засмеялся.

— Ну зачем ты слушаешь все эти бабушкины сказки? — сказал он. — Таковой попросту нет. Шапочка, которая бы помогла тебе исчезнуть, — ну, право! И что бы ты с ней стал делать? Ты ведь еще даже и не появился. Господи, мальчик мой, да ты бы мог прошагать отсюда

хоть до самого Лондона, и никто бы на тебя даже не взглянул. Ведь ты никто. Более невидимым, чем ты есть, стать просто невозможно.

Тут Гавейн оказался в опасной близости к тому, чтобы предаться своей старой привычке и захныкать.

— Не волнуйся, — успокоил его Директор, — я дам тебе нечто такое, что гораздо надежнее шапки-невидимки. Я научу тебя волшебному слову. Тебе только и нужно будет, что один раз повторить это магическое заклинание, и ни один дракон даже волоса на твоей голове не тронет. Зато ты сам запросто можешь отхватить ему голову.

С полки за письменным столом он снял тяжеленную книгу и принялся листать ее.

— Иногда, — заявил он, — заклинание — это целая фраза или даже предложение. Я мог бы, к примеру, научить тебя... Впрочем, нет. Пожалуй, лучше всего против драконов действует одно-единственное слово.

— Короткое слово, — предложил Гавейн.

— Да нет, чересчур коротким оно быть не может, иначе оно окажется бессильным. Да и спешить-то особенно некуда. Вот замечательное волшебное слово: «Румпельштильцхен».* Ну как, сможешь его выучить?

Гавейн попробовал и примерно через час вроде бы овладел этим словом. Он снова и снова прерывал урок и спрашивал: «Значит, если я скажу «Румпельштильцхен», дракон уже ничего не сможет со мной сделать?» На что Директор неизменно отвечал: «Стоит тебе только сказать «Румпельштильцхен» — и ты в полной безопасности».

Ближе к утру Гавейн, можно сказать, примирился со своей карьерой. На рассвете Директор проводил его до опушки леса и указал направление, в котором надо следовать. Примерно через милю к юго-западу над поляной нависло облако пара, а Директор уверял, что под паром Гавейн непременно обнаружит Дракона. Гавейн неторопливо пошел вперед, гадая, что лучше: приблизиться к дракону бегом, как бывало на тренировках на Южном Лужке, или же подойти к нему медленно, все время крича «Румпельштильцхен».

Проблему эту решили за него. Не успел он появиться на краю поляны, как дракон заметил его и бросился в атаку. Дракон был большой, однако же, несмотря на про-

---

* Аллюзия на сказку братьев Гримм под тем же названием.

тивоположное заявление Директора, он оказался явно агрессивным. Набегая на Гавейна, дракон выпустил из ноздрей огромные облака шипящего пара. Создавалось впечатление, будто расходился гигантский чайник. Дракон неся на Гавейна так стремительно, а Гавейн так испугался, что успел сказать «Румпельштильцхен» только раз. При этом слове он взмахнул своим боевым топором, и голова у дракона отлетела. Гавейну пришлось признать, что, если только произнесешь «Румпельштильцхен», убить настоящего дракона легче, нежели деревянного.

Домой Гавейн принес уши и кусочек хвоста. Однокашники и учителя чуть ли не на руках его носили, однако Директор весьма благоразумно не давал ему испортиться, настаивая на том, чтобы он продолжал свою работу. В ясные дни Гавейн вставал на зорьке и отправлялся убивать драконов. В дождь Директор держал его дома, поскольку в такую погоду, говорил он, в лесу сыро и скользко, а он не желает, чтобы-де мальчик подвергал себя бессмысленному риску. Редко когда в погожие дни Гавейн возвращался ни с чем. В один особенно удачный день он убил сразу троих — мужа с женой и гостившего у них родственника. Постепенно у него выработалась собственная техника. Ученики, наблюдавшие иногда за ним издали с вершин холмов, рассказывали, что он, прежде чем сказать «Румпельштильцхен», зачастую подпускал дракона совсем близко. Он научился выговаривать эти слово с язвительной усмешкой. Иногда он выкаблучивался. Однажды, когда за его действиями наблюдала группа экскурсантов из Лондона, он пошел на дело, привязав правую руку за спину. Голова дракона, однако же, отлетела с не меньшей легкостью.

По мере того, как число убитых Гавейном драконов все росло и росло, Директору становилось все труднее держать юношу в руках. У Гавейна выработалась скверная привычка тайком выбираться по вечерам в деревенскую таверну и устраивать там долгие попойки. Именно после одной из таких оргий он как-то встал однажды в августе ни свет ни заря и отправился за своим пятидесятым драконом. Голова у него с похмелья была тяжелая, соображал он туговато. Тяжеловат он был и в других отношениях, так как у него выработалась еще одна, прямо-таки вульгарная привычка: отправляясь на охоту за драконами, он непременно напяливал все свои меда-

ли, с ленточками и прочими регалиями. Награды начались у него на груди и шли до самого живота. Весили они, наверное, не меньше восьми фунтов.

Гавейн нашел дракона на той же поляне, где он убил своего первого. Дракон был приличных размеров, но, очевидно, старый. Морда у него была сморщенная, и Гавейн подумал, что никогда еще не видал столь страшного обличья. К большому неудовольствию Гавейна, нападать чудовище отказалось, и Гавейну пришлось самому идти к нему. На ходу он посвистывал. Дракон, утратив всякую надежду, смотрел на него, однако с хитринкой в глазах. Он, разумеется, был наслышан о Гавейне. Дракон не шевельнулся, даже когда Гавейн уже взмахнул топором. Дракон знал, что его не спасет даже самое быстрое движение головы, поскольку его проинформировали, что этот охотник находится под защитой магии. Дракон просто ждал, надеясь, что что-нибудь да подвернется в самый последний момент. И действительно, уже подняв свой топор, Гавейн тут же его опустил. Он страшно побледнел и так весь и задрожал. Дракон заподозрил что-то неладное.

— Что случилось? — спросил он с напускной озабоченностью.

— Я забыл волшебное слово, — пробормотал Гавейн.

— Ай-ай-ай, какая жалость, — сказал дракон. — Значит, в нем-то и был весь секрет? Лично мне это кажется не совсем спортивным, ты знаешь, все это колдовство. Это не дело, как мы, бывало, говаривали, когда я еще был маленьким. Впрочем, кто как на это смотрит.

От ужаса Гавейн был до того беспомощен, что уверенность дракона в себе неизмеримо возросла и он не смог воспротивиться искушению немного повыпендриваться.

— Может, я чем-нибудь могу помочь? — спросил он. — Какая первая буква у этого волшебного слова?

— Оно начинается с буквы «р», — еле слышно произнес Гавейн.

— Да, — размышлял дракон, — особенно и не разгонишься, правда? А из какого разряда это слово? Уж не эпитет ли какой, а?

Гавейн лишь кивнул — на большее он просто был не способен.

— Ба, ну конечно! — воскликнул дракон. — Реакционный республиканец!

Гавейн покачал головой.

— Ну что ж, — продолжал дракон, — в таком случае, пожалуй, приступим к делу. Ты сдаешься?

При этом предложении компромисса Гавейн нашел в себе силы заговорить.

— А что ты сделаешь, если я сдамся? — спросил он.

— Ну, я тебя съем, — ответил дракон.

— А если не сдамся?

— Я все равно тебя съем.

— Тогда это не имеет значения, правда? — выдавил из себя Гавейн.

— Для меня имеет, — дракон улыбнулся. — Я бы предпочел, чтобы ты не сдавался. Ты был бы гораздо вкуснее, если бы не сдался.

Дракон просто ждал, когда Гавейн спросит «почему?», но паренек был до того напуган, что на этот раз не смог выдавить из себя ни слова. Наконец дракону пришлось выдать объяснение ни за что ни про что.

— Видишь ли, — сказал он, — если ты не сдашься, ты будешь вкуснее, потому что умрешь смертью храбрых.

Это был старый-престарый трюк, к которому дракон неоднократно прибегал. Посредством подобных насмешек ему удавалось парализовать свои жертвы, после чего он легко расправлялся с ними. Гавейн и без того был достаточно парализован, но смех тут был совершенно ни при чем. При последнем слове своей шутки дракон оттянул голову назад и нанес удар. В то же мгновение в голове Гавейна вспыхнуло волшебное слово «Румпельштильцхен», но произнести его он бы попросту не успел. Можно было лишь нанести удар, и Гавейн молча ответил на встречное движение дракона великолепным свингом, в который он вложил всю силу спины и плеч. Удар оказался страшнейшим, и голова дракона отлетела чуть ли не на сто ярдов и упала в чашобе.

После смерти дракона Гавейн недолго пребывал в состоянии испуга — им завладело удивление. Он был страшно озадачен. Уши чудовища он отрезал чуть ли не в трансе. В голове у него снова и снова стучала мысль: «Я же не сказал «Румпельштильцхен»!». В этом он был уверен, а ведь дракона-то он убил, это несомненно. Да еще как убил! Никогда прежде голова не отлетала так далеко. От силы ярдов двадцать пять — вот его прежнее достижение. Возвращаясь в школу, он не переставая размышлял, ища

объяснение случившемуся. Он сразу же направился к Директору и, закрыв дверь, рассказал тому, что произошло.

— Я не сказал «Румпельштильцхен», — честно признался он.

Директор засмеялся.

— Я рад, что ты наконец все узнал, — сказал он. — Теперь ты еще больший герой. Неужели ты не понимаешь? Теперь-то ты знаешь, что именно ты убил всех этих драконов, а не это глупое словечко «Румпельштильцхен».

Гавейн нахмурился.

— Выходит, оно вовсе и не волшебное слово? — спросил он.

— Разумеется, нет, — ответил Директор. — Пора бы тебе уже вырасти из такой чепухи — большой уже. Волшебных слов не бывает.

— Но вы же сказали, оно волшебное, — возразил Гавейн. — Вы говорили, оно волшебное, а теперь говорите, что нет.

— Оно не было волшебным в буквальном смысле, — ответил Директор. — Но оно оказалось еще удивительнее. Это слово придало тебе уверенности. Оно избавило тебя от страхов. Не скажи я его тебе, и тебя могли бы убить уже в самый первый раз. Но обязан ты всем только своему боевому топору.

Позиция, занятая Гавейном, удивила Директора. Это объяснение явно терзало его. Он прервал пространные философско-этические рассуждения Директора:

— Стало быть, если бы я не налетал на них и не бил бы из всех сил, любой бы из них раздавил меня, как... как... — Гавейн не мог подобрать подходящего слова.

— Как яичную скорлупу, — подсказал Директор.

— Как яичную скорлупу, — согласился Гавейн и повторил эти слова много-много раз.

Сидевшие рядом с ним за вечерней трапезой слышали, как он бормочет: «Как яичную скорлупу, как яичную скорлупу».

Следующий день выдался ясный, но Гавейн не встал на заре. Собственно говоря, был почти полдень, когда Директор нашел его в постели: укрывшись с головой, он весь съежился от страха. Директор кликнул Учителя этики, и вдвоем они потащили упирающегося парня к лесу.

— Как только он укокошит еще парочку драконов, — объяснял Директор, — он тут же придет в себя.

— Было бы грешно прерывать такую полосу удач, — согласился Учитель этики. — Господи, да ведь со вчерашним он убил уже пятьдесят штук.

Они затолкали парня в какие-то заросли, над которыми висело жиденькое облачко пара — дракон явно был маленький.

Но ни в тот, ни в следующий вечер Гавейн не вернулся.

Собственно говоря, он вообще не вернулся. Несколько дней спустя смельчаки из школы обследовали эти заросли, да только, кроме металлических частей медалей, не нашли ничего, что бы напомнило им о Гавейне. Дракон сожрал даже ленточки.

Директор и Учитель этики согласились, что лучше не рассказывать ребятам, как Гавейн установил свой рекорд, а уж тем более о том, как он умер. По их мнению, это могло дурно сказаться на моральном духе школы. Вследствие всего этого Гавейн так и остался в памяти школы как ее величайший герой. В наши дни ни одному посетителю школы не удастся уйти из нее, не повидав прежде огромный щит, который висит на стене в трапезной. На щите прибиты 50 пар ушей драконов, внизу золотыми буквами стоит «Гавейн Сильное Сердце», а дальше идет простая надпись: «Он убил пятьдесят драконов». И повторить этот рекорд не удалось до сих пор никому.

Роберт Артур (США)

МАРКИ СТРАНЫ ЭЛЬДОРАДО

В клубе проводилась «Неделя увлечений», и Малькольм демонстрировал свою коллекцию марок.

— Например, вот эти треугольники, — рассказывал он. — Их цена точно никому не известна, поскольку они никогда не продавались серий. Но это наиболее редкий, интересный и полный набор из всех, известных филателистам. Они...

— У меня однажды была серия марок, даже более редкая и интересная, — перебив его, меланхолично произнес Мерчисон Моркс.

Моркс, невысокий тщедушный человечек, обычно сидит у камина и молча смотрит на угли, покуривая свою трубку. Думаю, он недолюбливает Малькольма — нашего единственного миллионера, обожающего, чтобы то, чем он обладает, было лучше, чем у других.

— У тебя есть серия марок более редкая, чем мои треугольники? — недоверчиво спросил Малькольм. По его и без того румяным щекам разливалась темная краска раздражения.

— Сейчас нет, — покачал головой Моркс, мягко поправляя его, — но была.

— Ага! — воскликнул Малькольм презрительно. — Надо понимать, они сгорели? Или украдены?

— Нет, — вздохнул Моркс. — Я их использовал. Для почтовых отправок. До того, как понял, насколько они уникальны.

Малькольм закусил губу.

— Эта серия марок, — уверенно сказал он, кладя руку на стекло, закрывающее треугольные кусочки бумаги, — стоила жизни по крайней мере одному человеку.

— А моя, — ответил Моркс, — стоила мне моего лучшего друга.

— Стоила жизни лучшего друга? — потребовал уточнения Малькольм.

Моркс покачал головой. На его лице появилось выражение давней печали, словно в памяти он вновь переживал все еще хранящую в себе боль страницу прошлого.

— Я не знаю, — ответил он. — В самом деле не знаю. Может быть, нет. Я искренне надеюсь, что Гарри Норрис — так звали моего друга — сейчас в десять раз счастливее, чем каждый из присутствующих здесь. Когда я думаю, что мог бы быть с ним, если бы не моя нерешительность... Лучше я расскажу вам эту историю целиком, — добавил он чуть более уверенно. — Тогда вы все поймете.

«Сам я не филателист, — начал он, вежливо кивнув в сторону Малькольма. — Но мой отец собирал марки. Он умер и среди прочего оставил мне свою коллекцию. Коллекция была не особенно значительная: он больше увлекался красотой марок, нежели редкостью или ценностью, и, продав ее, я получил сумму, которой едва хватило на то, чтобы расплатиться за оценку коллекции.

Я даже думал какое-то время сохранить ее, поскольку некоторые марки из коллекции, особенно марки тропических стран, изображающие экзотических птиц и зверей, мне очень нравились. Но в конце концов я продал их все. Кроме одной серии из пяти марок, которые скупщик отказался взять у меня, потому что они якобы поддельные.

Подделки! Если бы он только догадывался!

Но я, разумеется, принял его слова на веру, полагая, что он в этом деле разбирается лучше меня. Кроме того, эти пять марок заметно отличались от всех, что я до того видел, и даже не были помещены отцом в альбом. Они просто лежали в конверте, заложенном в конце книги.

Поддельные или нет, марки были красивые и интересные, все с разными номиналами: десять центов, пятьдесят, один доллар, три доллара и пять. Все негашеные, в отличном состоянии — так, по-моему, говорят, Малькольм? — и самых веселых цветов: ярко-красная с ультрамарин, изумрудная с желтым, оранжевая с лазурью, шоколадная с цветом слоновой кости и черная с золотом.

И все они были большие — раза в четыре больше, чем теперешние авиапочтовые марки, которые вам всем приходилось видеть. Сюжеты на них отличались живостью и

достоверностью. Особенно на трехдолларовой с туземной девушкой, несущей на голове корзину с фруктами...

Однако я опережаю события. Короче, решив, что это действительно подделки, я спрятал марки в стол и забыл о них.

Нашел я их снова совершенно случайно, когда копался в столе в поисках конверта, чтобы отправить только что написанное моему лучшему другу Гарри Норрису письмо. В то время Гарри жил в Бостоне.

Так случилось, что единственным конвертом, который я смог отыскать, оказался тот, где хранились марки отца. Я высыпал их на стол, надписал конверт и, запечатав письмо, наконец обратил внимание на эти странные марки.

Я уже сказал, что они были большие и прямоугольные, размером скорее похожие на багажную наклейку, чем на обычную почтовую марку. И вообще выглядели они необычно. По верху на каждой марке шла броская надпись: «Федеральные Штаты Эльдorado». По обеим сторонам приблизительно в середине — номинал, а внизу еще одна строчка: «Скоростная почта».

Будучи незнаком с подобными вещами, я, обнаружив марки в первый раз, решил, что Эльдorado—это одно из маленьких индийских княжеств или какое-нибудь государство в Центральной Америке. А «Скоростную почту» я счел аналогом нашей авиапочты.

Поскольку номиналы были в долларах и центах, я больше склонялся к Центральной Америке: там множество маленьких государств вроде Сан-Сальвадора или Колумбии, которые я всегда путаю. Но до того момента я об этом особенно не задумывался.

В этот раз, однако, глядя на них, я усомнился; насколько хорошо оценщик знает свое дело. Сделаны они были так хорошо, гравюры выполнены с такой силой, такими яркими и привлекательными красками, что я никогда не решился бы назвать их подделками.

Конечно, сюжеты на них были не совсем обычные. На десятицентовой марке, например, изображался стоящий единорог с поднятой головой. Его спиральный рог целился в небо, грива развевалась по ветру, и вся картина дышала правдоподобием. Глядя на нее, легко было поверить, что художник писал единорога с натуры. Хотя, разумеется, все знают, что единорогов нет.

На пятидесятицентовой марке, держа на весу трезубец, по пенящемуся прибору мчался в упряжке из двух дельфинов Нептун. И все выглядело так же реалистично, как и на первой марке.

Долларовая миниатюра изображала сатира, играющего на дудочке, с греческого стиля храмом в отдалении и тремя фавнами, танцующими на траве. При виде этой картины просто слышалась музыка.

Я ничуть не преувеличиваю. Должен признаться, я был удивлен, что тропическая страна поместила изображение сатира на своей марке, поскольку я полагал, что это монополия греков. Но когда я перевел взгляд на трехдолларовую марку, все вылетело у меня из головы.

Возможно, я даже не смогу передать словами впечатление, произведенное этой маркой на меня, а позже на Гарри Норриса.

В центре ее была девушка. Кажется, я уже об этом говорил. Туземная девушка на фоне тропических цветов, лет, я бы сказал, шестнадцати, только-только расцветающая женской красотой, с потаенной улыбкой, которой ей как-то удавалось передать ощущение одновременно и детской невинности, и унаследованной женской мудрости.

Я понятно говорю? Не очень? Ладно, это не имеет значения... Надо только добавить, что на голове она, как это умеют делать туземцы, держала большое плоское блюдо с горой всевозможных фруктов. Это блюдо и цветы у ног были ее единственными украшениями. Я долго не мог оторвать от нее взгляд, прежде чем перейти к последней марке серии — с номиналом в пять долларов. Эта марка по сравнению с остальными выглядела не столь впечатляюще — на ней изображалась просто карта с несколькими маленькими островами, разбросанными по водному простору, обозначенному аккуратными буквами: «Море Эльдorado». Я решил, что эти острова и есть Федеральные Штаты Эльдorado, а маленькая точка на самом крупном, отмеченная словом «Нирвана», — столица государства.

Потом у меня возникла идея. Племянник Гарри собирал марки, и я решил шутки ради наклеить на конверт одну из этих эльдорадских подделок — если они действительно подделки — рядом с обычной маркой и посмотреть, пройдет ли марка через почтовое ведомство. Если пройдет, подумал я, в коллекции племянника Гарри появится редкая иностранная марка с американским гашением.

Конечно, глупая идея, но время было позднее, и то, что я нашел марки, меня немного развеселило. Я облизал десятицентовую эльдорадскую марку, прилепил ее в углу конверта и пошел искать обычные марки, чтобы наклеить рядом.

Поиски увели меня в спальню, где я наконец обнаружил нужные марки в бумажнике, оставленном в пиджаке.

А письмо, уходя, я положил на виду на своем столе.

Но, когда я вернулся в библиотеку, письма на месте не оказалось.

Надо ли говорить, как меня это удивило? Ему просто негде было потеряться. Никто не мог его взять. Окно оставалось открытым, но оно выходило на улицу на высоте двадцать первого этажа, и влезть туда тоже никто не мог. Ветра, который мог бы сдуть письмо на пол, также не было. Я проверил. Я осмотрел все вокруг, удивляясь чем дальше, тем больше.

Но тут, когда я уже почти сдался, зазвонил телефон. Звонил Гарри Норрис из Бостона. Голос его, когда он произносил слова приветствия, звучал несколько натянуто. И вскоре я узнал почему.

Тремя минутами раньше, когда он как раз собирался лечь спать, письмо, которое я уже счел пропавшим, влетело к нему в окно, зависло на мгновение в воздухе под его взглядом и упало на пол.

На следующий день около полудня Гарри Норрис прибыл в Нью-Йорк. Объяснив по телефону про эльдорадскую марку, я пообещал ему не трогать остальные, только убрать их в надежное место.

Очевидно, в том, что произошло, повинна была марка. Каким-то образом она перенесла письмо из моей библиотеки к ногам Норриса примерно за три минуты со средней скоростью около пяти тысяч миль в час. Подобное, конечно, поражает воображение. Разумеется, и я не остался равнодушен.

Гарри прибыл к ленчу, и за едой я рассказал ему все, что знал, — примерно то же, что уже сообщил вам. Он с разочарованием отнесся к скудости моей информации, но я не мог добавить ничего к тому, что мне было известно, хотя и эти факты говорили сами за себя.

Вкратце все выглядело так: я наклеил марку Эльдорадо на письмо к Гарри, и письмо доставило само себя без какого бы то ни было промежуточного процесса.

— Не совсем так, — заметил Гарри. — Посмотри. Я привез письмо с собой.

Он протянул мне конверт, и я тут же увидел, в чем дело. Какой-то промежуточный процесс был, потому что марка оказалась погашенной. Рядом стоял четкий бледно-фиолетовый штемпель. На круглом, как у нас, штемпеле значилось: «Федеральные Штаты Эльдorado», а в центре круга, где обычно ставится дата гашения, стояло просто «четверг».

— Сегодня четверг, — заметил Гарри. — Ты наклеил марку после полуночи?

— Сразу после, — сказал я. — Странно, что эти эльдорадо не придают значения часам и минутам, а?

— Это только доказывает, что они живут в тропической стране, — предположил Гарри. — В тропиках время почти ничего не значит. Но я имел в виду другое. Отметка «четверг» свидетельствует, что Эльдorado — в Центральной Америке, как ты и предполагал. Если бы эта страна находилась в Индии или еще где-нибудь на Востоке, на штемпеле была бы «среда», согласен? Из-за разницы во времени.

— Или пятница? — спросил я неуверенно, поскольку не особенно разбирался в этих вещах. — В любом случае мы можем легко узнать. Нужно только посмотреть в атласе. Как я раньше не догадался?

— Конечно, — просиял Гарри. — Где он у тебя?

Оказалось, что атласа у меня нет, даже маленького. Пришлось нам позвонить в один из книжных магазинов на окраине города и заказать на дом последнее издание самого большого атласа, что у них есть. Ожидая доставки, мы снова осмотрели конверт и принялись рассуждать о том, каким образом письмо могло быть доставлено.

— Скоростная почта! — воскликнул Гарри. — Еще бы! Да авиапочта ей в подметки не годится. Слушай! Если за время, прошедшее от того, как ты его хватился, до момента, когда оно упало у моих ног, письмо пропутешествовало не просто отсюда до Бостона, а сначала побывало в Центральной Америке, было погашено, отмечено и только потом попало в Бостон, тогда его средняя скорость будет...

Мы сделали приблизительный расчет и получили что-то около двух тысяч миль в минуту. Тут мы посмотрели друг на друга.

— Бог мой! — наконец проговорил Гарри. — Федеральные Штаты Эльдорадо, может быть, и тропическая страна, но здесь они определенно нашли что-то новое. Интересно, почему мы никогда раньше об этом не слышали?

— Может, это держится в тайне? — предположил я. — Хотя едва ли такое возможно: марки пробыли у меня уже несколько лет, а до этого они были у отца.

— Что-то здесь нечисто, ей-богу, — мрачно констатировал Гарри. — Где остальные марки, про которые ты говорил? Думаю, пока мы ждем атлас, можно проделать с ними кое-какие эксперименты.

Я принес четыре неиспользованные марки и передал их ему. Надо упомянуть, что Гарри, помимо всего прочего, был неплохим художником, и при виде чудесной работы на марках он восхищенно присвистнул. Затем он внимательно обследовал каждую миниатюру, но, как я и думал, трехдолларовая особенно привлекла его внимание. Та самая, где была изображена туземная девушка, помните?

— Господи, — громко сказал Гарри. — Какая красота!

Потом, однако, он отложил ее в сторону, закончил осмотр остальных и повернулся ко мне.

— Чего я не могу понять, — произнес он, — так это реалистичности изображений. Если бы я не был уверен в обратном, я бы заподозрил, что эти марки сделаны не с гравюр, а отпечатаны с фотоснимков.

— С фотоснимков?! — воскликнул я, и Гарри кивнул.

— Да, хотя и ты, и я знаем, что этого не может быть, — добавил он. — Единороги, Нептун и сатиры в наши дни не позируют перед фотоаппаратом. Но тем не менее такое вот у меня чувство.

Я признался, что чувствую то же самое, и, согласившись по поводу невозможности этого, мы вернулись к проблеме метода транспортировки письма.

— Ты говоришь, тебя не было в комнате, когда оно исчезло? — сказал Гарри. — Значит, ты не видел, как письмо отбыло. И ты не знаешь, что произошло после того, как ты наклеил марку и отвернулся, так?

Я согласился, и Гарри застыл в задумчивом молчании.

— Я думаю, — наконец сказал он, поднимая глаза, — нам следует использовать одну из оставшихся марок и отправить что-нибудь еще.

Почему это не пришло мне в голову раньше, я просто не представляю, но, когда Гарри высказал свое предложение, оно сразу показалось мне разумным. Единственное, что оставалось решить, это что послать и кому.

Вопрос задержал нас всего на несколько минут. У нас не было никого, с кем бы мы хотели в данный момент делиться тайной. А послать что-нибудь друг другу оказалось невозможным, поскольку мы оба находились в одном месте.

— Придумал! — воскликнул Гарри. — Мы пошлем что-нибудь прямо в Эльдorado!

Я тут же согласился, но как случилось, что мы решили отправить не письмо, а Томаса Беккета, моего старого и больного сиамского кота, я, право, уже и не помню. Помню только, как я уговаривал себя, что в крайнем случае это будет милосердный способ покончить с ним. Перенос в пространстве с жуткой скоростью сто двадцать тысяч миль в час наверняка избавит его от страданий, быстро и безболезненно.

Томас Беккет спал под диваном, тяжело, астматически дыша. Я отыскал картонную коробку подходящих размеров, и на всякий случай мы проделали в ней дырочки для воздуха. Затем я взял Томаса и перенес в коробку. Тот открыл старые затекшие глаза, посмотрел на меня мутным взором и снова погрузился в сон. Чувствуя угрызения совести, я все же закрыл крышку и перевязал коробку.

— Теперь, — произнес Гарри задумчиво, — стоит вопрос, куда его адресовать. Впрочем, для наших целей подойдет любой адрес.

Он взял ручку и быстро написал на коробке: «Мистеру Генри Смиуту, 711, авеню Елисейских Полей, Нирвана, Федеральные Штаты Эльдorado». Ниже он добавил: «Обращаться осторожно!».

— Но... — начал было я. Гарри меня перебил:

— Конечно, я не знаю там никаких адресов. Я его выдумал. Но ведь люди в почтовом ведомстве этого не знают, правильно?

— А что будет, если... — опять начал я, и снова он ответил, даже не успев выслушать вопроса.

— Посылка попадет в отдел недоставленной корреспонденции, я полагаю, — сказал он. — Если кот умрет, они от него избавятся. Если же нет, я не сомневаюсь, что

они о нем позаботятся. Марки создали у меня впечатление, что у них там не особенно тяжелая жизнь.

Вопросов у меня не осталось, поэтому Гарри взял марку номиналом в пятьдесят центов, лизнул ее и плотно приклеил к коробке. Затем убрал руку и сделал шаг назад в мою сторону.

Мы внимательно следили за посылкой.

Прошло какое-то время, и ничего не случилось. Но затем, когда на лице Гарри Норриса уже начало проявляться разочарование, коробка с Томасом Беккетом медленно поднялась в воздух, повернулась, словно стрелка компаса, и, набирая скорость, поплыла к открытому окну. У самого окна коробка двигалась уже со скоростью беговой лошади. Когда она вылетела на улицу, мы бросились к окну и увидели, как она, поднимаясь, движется на запад над линией домов Манхэттена. А затем прямо на наших глазах очертания ее начали таять, затуманиваться, и через мгновение коробка пропала из виду. Я предположил, что это из-за большой скорости. Как, например, нельзя разглядеть летящую пулю.

Однако у Гарри возникла на этот счет другая теория. Мы вернулись в центр комнаты, и он, покачивая головой, произнес:

— Я не думаю, что в скорости все дело. Мне кажется...

Я так и не узнал, что ему кажется, потому что в этот момент он замолчал и замер с открытым ртом, глядя куда-то мимо меня. Я обернулся посмотреть, в чем дело.

Снаружи у окна плавала только что исчезнувшая посылка. Она повисела некоторое время, затем медленно двинулась в комнату, совершила небольшой разворот и легко опустилась на стол, откуда отбыла меньше двух минут назад. Мы с Гарри бросились к коробке и уставились на нее выпученными от удивления глазами.

Потому что на посылке стоял штемпель и почтовая отметка, так же как и на письме. А в углу большими фиолетовыми буквами кто-то написал: «Возврат отправителю. По указанному адресу получатель не проживает».

— Ну и дела, — выговорил наконец Гарри. Не очень содержательно, но больше в тот момент нам ничего не приходило в голову. Затем из коробки донесся голос Томаса Беккета.

Я разрезал веревки и снял крышку. Томас Беккет выпрыгнул из коробки с живостью, какой не демонст-

рировал уже долгие годы. Вывод был очевиден: короткое путешествие в Эльдorado не только не повредило ему, а напротив, похоже, изменило его к лучшему. Выглядел он лет на пять моложе.

Гарри Норрис удивленно вертел коробку в руках.

— Что самое странное, — заметил он, — так это то, что там действительно есть адрес: «711 по авеню Елисейских Полей». Клянусь, я его выдумал.

— Более того, — напомнил я, — посылка вернулась, хотя мы даже не указали обратного адреса.

— Действительно, — согласился Гарри. — И все же они знали, куда ее вернуть.

Он задумался на минутку и поставил коробку на стол.

— Я начинаю думать, — произнес он со странным выражением лица, — что это далеко не все. Тут скрыто нечто гораздо большее. И подозреваю, правда гораздо интереснее, чем мы предполагаем. А что касается этих Федеральных Штатов Эльдorado, у меня есть теория...

Но он так и не закончил про свою теорию, потому что в этот момент трехдолларовая марка шоколадного со слоновой костью цвета снова привлекла его внимание.

— Боже мой! — прошептал он, разговаривая скорее с самим собой, чем со мной; иногда это с ним случалось. — Она прекрасна! Небесное существо! С такой натурщицей художник может написать...

— Он может просто забыть про живопись, — вставил я.

— Запросто может, — согласился Гарри. — Хотя, я думаю, в конце концов это придаст ему такое вдохновение, что он будет работать, как ему никогда и не мечталось. — Он буквально ел марку взглядом и наконец заявил: — Таковую девушку я мечтал найти всю жизнь. Чтобы встретиться с ней, я отдал бы.... Отдал бы почти все на свете...

— Боюсь, для этого придется отправиться в Эльдorado, — предложил я в шутку, и Гарри вздохнул.

— В самом деле! Я действительно готов пойти на это. Слушай! Марки свидетельствуют, что Эльдorado удивительная страна. Что, если нам вместе нанести туда визит? Нас обоих здесь ничто не держит, и...

— Отправиться туда только ради того, чтобы ты мог встретить девушку, позировавшую художнику этой марки?

— А почему нет? Ты можешь придумать причину луч-

ше? — спросил он. — Хотя я могу сам. Во-первых; климат. Посмотри, насколько лучше стало коту. Это маленькое путешествие омолодило его на годы! Должно быть, там очень здоровое место. Может, там я снова стану молодым. И кроме того...

Продолжать ему не было необходимости. Я уже согласился.

— Хорошо. Мы отправимся первым же кораблем. Но когда мы туда прибудем, как мы...

— С помощью логики, — парировал Гарри. — Исключительно с помощью логики. Девушка позировала художнику, так? И Главный почтмейстер Эльдорадо должен знать, кто художник, так? Мы отправимся прямо к нему. Он поможет нам разыскать художника. Художник скажет нам имя и адрес девушки. Что может быть проще?

Я снова с ним согласился, и теперь его нетерпение стало передаваться мне.

— Может быть, нам не придется плыть морем, — предложил я. — Может, туда есть авиарейс. Так мы сэкономим...

— Корабли! — засмеялся Гарри, расхаживая по комнате и размахивая руками. — Самолеты! Можешь плыть или лететь, если хочешь. Но у меня есть идея получше. Я отправлюсь в Эльдорадо почтой!

Я был несколько ошарашен, пока до меня не дошло, насколько это гениально и просто. Гарри тут же заметил, что Томас Беккет перенес путешествие и вернулся без вреда для себя, а если кот выжил, то и человек сможет.

Единственное, что нам оставалось, это выбрать адрес. Было бы довольно глупо отправиться туда только для того, чтобы нас бесславно вернули обратно из-за неправильно-го указанного адреса.

— Это я тоже понимаю, — сказал Гарри, когда я поделился с ним своими сомнениями. — Первым, кого я собираюсь там повидать, будет Главный почтмейстер. Уж он-то точно существует. Почту, адресованную ему, будет доставить легче всего. Так почему бы не убить одним выстрелом двух зайцев и не отправить себя прямо ему?

Возражений у меня не осталось. План лучше и разумнее придумать было трудно.

— Представляешь?! — добавил Гарри восторженно. — Уже сегодня вечером я, может быть, буду ужинать вместе с этой девушкой! Вино и гранат под золотой луной, а

рядом в тени играет на своей дудочке сатир, и нимфы танцуют на мягком зеленом поле!

— Но... — мне казалось, я должен был на всякий случай подготовить его к разочарованию. — Вдруг она уже замужем?

Он покачал головой.

— Нет. Я чувствую. Просто чувствую. Теперь к делу. У нас осталось три марки в сумме на девять долларов. Этого должно хватить. Я чуть легче, а ты, я смотрю, за последнее время набрал вес. Мне хватит четырех долларов — один и три. Пять остаются тебе. А адрес мы напишем на бирках и привяжем их к запястью. У тебя есть багажные бирки?.. Ага, вот нашел пару в столе. Давай ручку и чернила. Пожалуй, это подойдет...

Он написал бирки и протянул их мне. На обеих был совершенно одинаковый текст: «Главному почтмейстеру. Нирвана. Федеральные Штаты Эльдорадо. Обращаться осторожно!»

— А теперь, — сказал он, — мы привяжем ее на руку...

Но тут я струсил. Не смог справиться с собой. Несмотря на восхитительные перспективы, обрисованные моим другом, идея отправки самого себя почтой в полную неизвестность подобно тому, как я отправил Томаса Беккета, насторожила меня. Я сказал, что присоединюсь к нему позже. Первым же самолетом или пароходом. И встречу с ним в главном отеле города. Гарри был разочарован, но нетерпение помешало ему уговорить меня.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Если по каким-то причинам ты не сможешь добраться пароходом или самолетом, ты воспользуешься последней маркой?

Я твердо пообещал. Он протянул правую руку, и я привязал к ней бирку. Затем он взял долларовую марку, облизал ее и прилепил к бирке. Взял трехдолларовую, и в этот момент зазвонил дверной звонок.

— Через минуту, — сказал Гарри, — или меньше я окажусь в самой прекрасной стране, которую только может вообразить себе человек.

— Подожди секунду, — крикнул я, бросившись открывать дверь. Не знаю, услышал он меня или нет. Когда я отвернулся, он как раз подносил к губам вторую марку, и больше я его не видел.

Когда я вернулся в комнату с пакетом в руках —

приходил посыльный из книжного магазина с заказанным атласом, — Гарри уже не было.

Томас Беккет сидел, приподняв голову, и смотрел в сторону окна. Занавески все еще колыхались. Я подбежал к подоконнику, но Гарри исчез из виду.

Я решил, что он наклеил вторую марку, не заметив, как я вышел из комнаты. Мне представлялось, как в этот самый момент он опускается на пол перед ошарашенным Главным почтмейстером.

Потом я подумал, что не мешает все-таки узнать, где находится это Эльдorado. Сняв с присланного тома оберточную бумагу, я принялся листать страницы атласа. Пролистав до конца, я долго сидел молча, поглядывая на стол, где лежали бирка с адресом и непогашенная марка. И наконец решился.

Я встал, принес саквояж Гарри. К счастью, было лето, и он захватил в основном легкую одежду. К ней я добавил из своих вещей то, что, решил, может ему понадобится, не позабыв про блок сигарет и ручку с чернилами на случай, если он захочет мне написать. Немного подумав, положил туда еще и маленькую Библию. Затем застегнул ремни, прицепил к саквояжу бирку, добавив над адресом имя: «Гарри Норрис», и наклеил на нее последнюю эльдорадскую марку.

Спустя мгновение саквояж поднялся в воздух, подплыл к окну и, набирая скорость, скрылся вдали.

Я надеялся, что он окажется на месте еще до того, как Гарри покинет кабинет Главного почтмейстера, и, может быть, Гарри пришлет мне открытку или письмо с сообщением о получении. Но он не прислал. Очевидно, не смог».

В этот момент Моркс замолчал, словно закончил свой рассказ. Никем не замеченный Малькольм отошел от группы слушателей за несколько минут до этого и теперь вернулся с огромным атласом в руках.

— Вот, значит, что случилось с твоей редкой серией! — произнес он с плохо скрываемым сарказмом. — Очень интересно и увлекательно. Однако я бы хотел прояснить один момент. Ты говорил, марки выпущены Федеральными Штатами Эльдorado? Так вот, я только что посмотрел атлас, и такого государства на свете нет!

Моркс взглянул на него совершенно спокойно.

— Я знаю, — сказал он. — Именно поэтому, просмотрев в тот день свой атлас, я не сдержал обещания, данного Гарри Норрису, и не воспользовался маркой, чтобы присоединиться к нему. Теперь жалею. Когда я думаю, как ему там хорошо... Однако, наверное, нет смысла сожалеть о том, что я сделал или не сделал. Я просто не мог. По правде говоря, у меня сдали нервы, когда я убедился, что Федеральных Штатов Эльдорадо нет. На Земле, я имею в виду.

Он умолк и покачал головой.

— Как бы мне хотелось узнать, где мой отец взял эти марки, — пробормотал он едва слышно, словно разговаривая с самим собой, и снова погрузился в задумчивость.

Эдвард Д. Хоч
(США)

ЗООПАРК

В августе дети всегда вели себя хорошо, особенно когда приближалось двадцать третье. В этот день огромный серебристый космический корабль, на котором прилетал Межпланетный Зоопарк профессора Хьюго, наносил ежегодный шестичасовой визит в Чикаго.

Толпы собирались еще до рассвета, образуя длинные очереди, состоявшие как из детей, так и из взрослых; каждый сжимал в руке доллар, горя желанием увидеть, какую же расу диких существ профессор привез на этот раз.

В прошлом им иногда показывали трехногих существ с Венеры, высоких худых людей с Марса или даже змееподобных чудовищ откуда-то из более далеких миров. В этом году, когда огромный круглый корабль приземлился на громадной площадке для парковки как раз за Чикаго, люди с подобострастием наблюдали, как борта корабля не спеша поползли вверх, открывая взору знакомые клетки. В них находились представители какого-то дикийнного племени — кошмарно маленькие, похожие на лошадок животные, которые передвигались быстрыми рывками и без умолку пронзительно щебетали. Земляне сгрудились вокруг, команда профессора Хьюго быстро собрала приготовленные доллары, а вскоре появился и сам добрый профессор в ярком радужном плаще и цилиндре.

— Люди Земли! — заговорил он в микрофон.

Толпа затихла, и он продолжал:

— Люди Земли, в этом году вы получите огромное удовольствие: вы увидите малоизвестный конеподобный народец с Каана. Мы привезли этих людей за миллионы космических миль, и обошлось нам это недешево. Вам же все удовольствие будет стоить по доллару с брата. Соби-

райтесь, смотрите на них, изучайте, слушайте их, расскажите о них своим друзьям. Однако пооторопитесь! Мой корабль может оставаться здесь всего шесть часов.

И толпы неторопливо заструились мимо корабля, людей страшили и в то же время неудержимо влекли эти диковинные существа, которые были похожи на коней, но бежали по стенкам клеток, как пауки.

— За такое зрелище, безусловно, доллара не жалко, — заметил один мужчина, поспешая прочь. — Сбегаю-ка я домой, приведу жену.

За день мимо встроенных в корпус корабля клеток прошло десять тысяч человек. Затем, когда шестичасовой лимит истек, профессор Хьюго снова взял микрофон:

— Нам пора отправляться, но через год, в этот же день, мы вернемся. И если наш зоопарк в этом году вам понравился, позвоните своим друзьям в другие города, сообщите им о нем. Завтра мы приземлимся в Нью-Йорке, а на следующей неделе отправимся в Лондон, Париж, Рим, Гонконг и Токио. А оттуда — к другим мирам!

Он помахал им на прощанье, и, когда корабль взлетел с Земли, земляне согласились, что лучшего зоопарка они еще сроду не видели.

Месяца два спустя, оставив позади три планеты, серебристый корабль профессора Хьюго опустился наконец на знакомые острые камни Каана, и эти странные конеподобные существа быстро вышли из своих клеток. Профессор Хьюго произнес несколько прощальных слов, и они поспешили во всех направлениях, отыскивая среди скал свои дома.

В одном таком доме существо женского пола обрадовалось возвращению своих супруга и отпрыска. Оно приветствовало их на своем непонятном языке и поспешило обнять.

— Долго же вас не было! Хорошее вышло путешествие?

Супруг кивнул:

— Малыш получил такое удовольствие. Мы посетили восемь миров и многое увидели.

Малыш подбежал к стене пещеры.

— Больше всего нам понравилось в одном месте под названием Земля. Существа там носят на коже одежды, а ходят на двух ногах.

— Но разве это не опасно? — спросила самка.

— Нет, — ответил ее супруг. — Нас от них защищают прутья решеток, да и из корабля мы не выходим. В следующий раз ты непременно должна полететь с нами. Не жалко заплатить 19 коммоков, оно того стоит.

А малыш кивнул:

— Такого хорошего зоопарка мы еще не видели.

Алан Аркин
(США)

КУЛИНАРНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Бонни вернулась из школы и обнаружила своего брата на кухне. Он стоял у раковины и занимался чем-то очень важным. Бонни сразу поняла, что это очень важное дело, потому что брат развел на кухне страшную грязь и разговаривал сам с собой. В раковине стояли открытые бутылки из-под газировки, пакеты с пшеничной и кукурузной мукой, пачка печенья, банка с патокой, пузырек «Бромо-Зельцера», жестянка с сардинами и коробка мыльных хлопьев. Пол был залит неизвестно чем, а все кухонные шкафы стояли открытые настежь. Когда Бонни вошла, ее брат яростно встряхивал пластиковую соковыжималку, наполовину заполненную пенистой жидкостью зловещего вида.

Бонни выждала несколько секунд, оставаясь на всякий случай подальше от брата, потом сказала:

— Привет, Боб.

— Привет, — ответил он, не поднимая глаз.

— Где мама?

— Ушла по магазинам.

Бонни подошла чуть ближе и спросила:

— А что ты делаешь, Боб?

— Ничего.

— Можно мне посмотреть?

— Нет.

Бонни решила, что может позволить себе еще два осторожных шага вперед. Из прошлого опыта она прекрасно знала, насколько близко можно подходить к брату, когда того охватывает творческий настрой; на такой дистанции мирные отношения еще сохранялись. Боб плеснул в соковыжималку чашку кетчупа, добавил баночку сухой горчицы, каплю молока, шесть таблеток ас-

пирина и кусок жевательной резинки, умудрившись при этом просыпать или пролить каждый из используемых компонентов.

Бонни подошла ближе:

— Ты делаешь еще один эксперимент?

— Это кто это спрашивает? — проскрипел Боб голо-
сом «сумасшедшего ученого» из телевизионного фильма,
потом достал из холодильника яйцо, немного свиного жи-
ра, витамины, вчерашнее желе и бутылочку с соусом.

— Я спрашиваю, — сказала Бонни, подбирая яблоко,
которое выкатилось из холодильника и упало на пол.

— С чего это я должен тебе рассказывать?

— У меня есть двадцать пять центов.

— Где ты их взяла?

— Мама дала.

— Если ты дашь мне двадцать пять центов, я расска-
жу тебе, чем занимаюсь.

— Оно того не стоит.

— Ну тогда я еще разрешу тебе быть моим ассистен-
том.

— Все равно не стоит.

— А за десять центов?

— Ладно. Десять центов.

Бонни отсчитала брату деньги и надела фартук.

— Что я должна делать, Боб?

— Неси соль, — распорядился он и осторожно, так,
чтобы не вывалились сардины, слил в соковыжималку
масло из консервной банки. Выжав оттуда последнюю
каплю, он съел сардины и швырнул банку в раковину.

Бонни полезла за солью и, подняв коробку, обнару-
жила за ней спрятанную пачку шоколадных крекеров, в
которой оставалось еще целых две штуки.

— Боб, у мамы новое потайное место, — объявила
она.

— Где?

— За коробкой с солью.

— Там что-нибудь есть?

— Два шоколадных крекера.

Бобби протянул руку, получил один из крекеров и
молча принялся крошить его в свою адскую смесь, даже
не слизнув с пальцев шоколад.

Бонни недоверчиво нахмурилась: никогда ранее не
доводилось ей видеть таких примеров самопожертвова-

ния со стороны своего брата, и это действительно убедило ее в огромной важности эксперимента. Решительно протиснув брату его невнимание, она подошла посмотреть, что творится в раковине. Там уже остались только разбухший пакет кукурузной муки, пустая банка из-под сардин и лужа пролившейся из соковыжималки смеси, от которой теперь доносился вполне отчетливый неприятный запах. Боб доверил Бонни высыпать туда семь щепоток соли и немного порошка какао.

— Что это будет, Боб? — спросила она, вытирая перепачканные в какао руки о желтую вельветовую юбку.

— Состав, — ответил Боб, разгибаясь.

— Что-нибудь военное?

— Не-е-е.

— Космическое?

— Не-е-е.

— Лекарство?

— Не-е-е.

— Сдаюсь.

— Это животворящая сыворотка, — сказал Боб. Он поранил палец об острый край банки от сардин, несколько секунд спокойно разглядывал порез, потом совершенно о нем забыл.

— А что такое «животворящая сыворотка», Боб?

— Это такая штука, которая обладает определенными свойствами, без которых Вселенная движется во времени, не замечая человеческого присутствия.

— А-а-а!

Бонни сняла фартук и села в противоположном конце кухни. Запах, доносившийся из соковыжималки, уже начинал на нее действовать.

Бонни прочесал кухню в поисках чего-нибудь еще, что можно было бы добавить к приготовленной им мешанине, и нашел чесночный соус и какую-то приправу.

— Теперь, пожалуй, все, — произнес он, выливая свои находки в соковыжималку, закрыл ее крышкой, затем с минуту яростно тряс и, наконец, вылил содержимое в глубокую кастрюлю.

— Что ты будешь теперь делать, Боб? — спросила Бонни.

— Теперь надо варить в течение десяти минут.

Бобби включил газовую плиту, накрыл кастрюлю крышкой, установил таймер на десять минут и вышел из

кухни. Бонни потянулась за ним, и они устроили в гостиной некое подобие баскетбольного матча.

— ДЗЫННЬ! — прозвучал сигнал таймера.

Бобби бросил мяч в голову Бонни и бегом бросился на кухню.

— Все готово, — сказал он и снял крышку с кастрюли. Только преданность делу помогла ему выдержать запах не поморщившись.

— Фу-у-у! — произнесла Бонни. — Что мы теперь будем делать с твоим составом? Выльем в раковину?

— Глупая. Теперь его нужно помешивать, пока не остынет, а потом будем пить.

— Пить?! — Бонни скривилась. — Зачем это мы будем его пить?

— Затем, что с экспериментами всегда так делают, глупая.

— Но, Боб, от него запах, как от помойки!

— Лекарства, бывает, пахнут еще хуже, но от них люди только выздоравливают, — ответил Боб, помешивая состав старой деревянной ложкой.

Бонни зажала нос, встала на цыпочки и заглянула в кастрюлю с варевом:

— И нам это прибавит здоровья?

— Возможно, — Боб продолжал помешивать.

— А что еще этот состав делает?

— Увидишь.

Бобби взял два чистых кухонных полотенца, обмотал их вокруг кастрюли и перенес ее на стол, умудрившись при этом макнуть оба полотенца в свое варево. Одна обгоревшая пластиковая ручка кастрюли все еще дымилась, но Боба такие мелочи совершенно не трогали. Он подвинул кастрюлю на середину стола и уставился на нее, положив подбородок на руки.

Бонни уселась напротив, тоже уткнулась подбородком в ладони и спросила:

— А мы обязательно должны это пить?

— Угу.

— А кто должен пить первым?

Боб сделал вид, будто не слышал вопроса.

— Я так и думала, — продолжила Бонни.

Боб по-прежнему молчал.

— А что, если я умру?

Бобби поднял взгляд, не отрывая подбородка от рук.

— С чего тут умирать? Там все съедобное.

Бонни продолжала задумчиво смотреть в пространство.

— И как много мне нужно будет выпить?

— Совсем чуть-чуть. Можешь просто макнуть туда палец и облизать.

Бонни осторожно поднесла палец к поверхности похожего на смолу варева, потом опустила его на глубину ногтя.

— Хватит?

— Пожалуй, — ответил Боб задумчиво.

Бонни вынула палец из кастрюли и посмотрела на него с сомнением.

— А что если я заболēju?

— От этого нельзя заболеть. Там есть аспирин и витамины.

Бонни вздохнула и поморщилась.

— Ладно, — сказала она и лизнула палец кончиком языка.

Боб следил за ней с напряженным вниманием.

— Как ты себя чувствуешь? — поинтересовался он.

— Не так уж это противно, когда проглотишь. И даже чувствуется шоколадный крекер. — Бонни вовсю наслаждалась уделяемым ей вниманием. — О-о-о! У меня появляется какое-то странное ощущение...

Прежде чем она успела закончить фразу, раздался громкий хлопок, и на лице Бобби появилось разочарованное выражение. Бонни замерла, потом спросила:

— Что случилось?

— Ты превратилась в цыпленка.

Птица приподняла крылья и взглянула на себя.

— Почему это я превратилась в цыпленка, Боб? — спросила она, наклонив голову и уставившись на него левым глазом.

— Так получилось. Хотя я ожидал, что из тебя получится что-то вроде голубя, — объяснил Боб, задумчиво разглядывая оставшиеся компоненты своего варева и пытаясь разобраться, где же он ошибся.

Цыпленок запрыгал на одной ноге вокруг стула, потом сделал пробный взмах крыльями и очутился на кухонном столе. Прошел к дальнему краю и заглянул в небольшое зеркало, висевшее на боковой стенке посудного шкафа.

— Боже, в какого уродливого цыпленка я превратилась!

Бонни взглянула на свое отражение другим глазом и, не обнаружив ничего утешительного, вернулась к Бобби.

— Я не хочу быть цыпленком, Боб, — сказала она.

— Но почему? Ты расскажи, что ты ощущаешь.

— Я ощущаю себя очень тощей и не очень хорошо вижу.

— А еще что?

— Все. Верни меня обратно.

— Сначала расскажи мне, что ты чувствуешь.

— Я тебе уже сказала. Верни меня обратно.

— Чего ты боишься? Почему бы тебе не успокоиться и не прочувствовать до конца, что значит быть цыпленком? Это очень ценный опыт.

Цыпленок попытался принять угрожающую позу, уперев руки в бока, но обнаружил, что у него нет ни рук, ни боков.

— Немедленно верни меня обратно, слышишь? — произнесла птица и уставилась на Боба левым глазом.

— Перестань валять дурака и рассказывай, на что это похоже. — Боб никак не мог понять, почему ее не охватывает научное любопытство.

— Вот подожди, мама придет и увидит, во что я превратилась! Ну она тебе тогда задаст! — Бонни изо всех сил пыталась взглянуть на Боба сразу двумя глазами, но у нее ничего не получалось.

— Ты пискля, Бонни. Отказываться от такой уникальной возможности! Ты меня разочаровала.

Боб макнул палец в сыворотку и поднес его к цыпленку. Птица склевала, что могла, потом запрокинула голову. Через секунду цыпленок исчез, и вернулась Бонни. Она слезла со стола и сказала:

— Тебе повезло, что ты меня вернул обратно. А то бы мама тебе устроила!

— Ты просто пискля, — повторил Боб и облизал палец целиком. — Если я превращусь в лошадь, я не разрешу тебе кататься на мне верхом, а если превращусь в леопарда, я откушу тебе голову.

Снова раздался громкий хлопок. Бонни вскочила, глядя на брата широко раскрытыми глазами:

— О, Боб, какой ты красивый!

— В кого я превратился? — спросил Боб.

— Ты превратился в краси-и-и-ивого сенбернара, Боб. Пойдем покажем тебя Мелиссе и Чаку!

— В сенбернара? — Собака выглядела несколько разочарованно. — Но я не хочу быть собакой. Я хочу быть леопардом!

— Но ты такой красивый, Боб! Пойди посмотри на себя в зеркало.

— Вот еще!

Собака подошла к столу.

— Что ты собираешься делать, Боб?

— Хочу попробовать еще раз.

Сенбернар положил передние лапы на стол, опрокинул кастрюлю и, когда сыворotka начала капать на пол, принялся слизывать ее языком. С громким хлопком сыворotka возымела действие. Бобби продолжал лакать, оставаясь на четвереньках. Снова раздался хлопок.

— Ну, в кого я теперь превратился? — спросил он.

— Снова в сенбернара, — ответила Бонни.

— А, черт, — пробормотала собака. — Ладно. Сегодня не получилось.

Сенбернар слизнул последние остатки сыворutki. Хлоп! Бобби поднялся с пола и с удрученным видом направился к выходу на улицу. Бонни побежала за ним.

— Что мы будем делать теперь, Боб?

— Пойдем купим мороженого.

Они молча спустились по склону холма. Каждый думал о своем: Боб расстраивался из-за того, что ему не удалось превратиться в леопарда, а Бонни жалела, что он не захотел остаться сенбернаром. Когда они приближались к центральной улице их маленького городка, Бонни повернулась к своему брату.

— Давай завтра сделаем еще такого же состава?

— Такого не хочу, — ответил Боб.

— А что мы тогда будем делать?

— Я еще не решил.

— А давай сделаем бомбу? Атомную?

— Посмотрим.

— А мы сможем сделать ее в соковыжималке?

— Конечно, — ответил Боб, — только нужно будет найти пару луковиц.

Роберт Хайнлайн (США)

...А ЕЩЕ МЫ ВЫГУЛИВАЕМ СОБАК

— «Неограниченные услуги». Мисс Кормет слушает, — произнесла она, глядя на экран. В голосе чувствовалось теплое дружеское участие и одновременно безликая расчетливость — как раз в необходимой пропорции. Экран несколько раз мигнул, а затем там возникло стереоизображение — толстая, раздражительная, разодетая в пух и прах женщина аристократической наружности, которой явно не помешали бы физические упражнения.

— О, моя дорогая, — простонало изображение. — Я просто не знаю, сумеете ли вы мне помочь...

— Я не сомневаюсь, что это в наших силах, — проворковала мисс Кормет, мгновенно прикинув стоимость платья и драгоценностей (похоже, настоящих) и решив, что клиент, судя по всему, выгодный. — В чем заключаются ваши проблемы? И ваше имя, пожалуйста.

Она протянула руку и коснулась клавиши на подковообразном пульте — связь с кредитным отделом.

— Но все так безумно сложно! — с чувством произнесло изображение. — Надо же было Питеру именно сейчас сломать бедро! — Мисс Кормет нажала клавишу, помеченную словом «Медицина». — Я ему всю жизнь говорила, что поло — занятие опасное. Нет, вы не представляете, моя дорогая, что такое материнские страдания... И ведь главное, как некстати все...

— Вы хотите, чтобы мы взяли на себя уход за больным? Где он сейчас?

— Уход? Боже, ни в коем случае! Этим займутся в клинике «Мемориал». Мы им платим, без сомнений, достаточно. Нет, меня беспокоит званый обед. Принцесса будет очень недовольна, если все сорвется...

Ответный сигнал из кредитного отдела настойчиво мигал, и мисс Кормет решила вернуть разговор в прежнее русло.

— Понятно. Мы обо всем позаботимся. А теперь, пожалуйста, ваше имя, постоянный адрес и местонахождение в данный момент.

— Как?! Вы меня не знаете?

— Я догадываюсь, — дипломатично ушла от ответа мисс Кормет, — но в «Неограниченных услугах» уважают тайну обращений клиентов.

— О да, действительно... Очень мудро с вашей стороны. Меня зовут миссис ван Хогбейн-Джонсон.

Мисс Кормет едва сдержала возглас удивления. Необходимость консультироваться в кредитном отделе сразу отпала. Но сигнал на пульте вспыхнул мгновенно: «ААА» — неограниченный кредит.

— Однако я не вижу, как вы сумеете мне помочь, — продолжила миссис Джонсон. — Я же не могу разорваться и быть одновременно в двух местах?

— В «Неограниченных услугах» любят сложные задачи, — заверила ее мисс Кормет, — и если вы посвятите меня в подробности...

Спустя какое-то время она вытянула из миссис Джонсон более-менее связный рассказ. Оказалось, ее сын, Питер III (слегка потрепанный годами Питер Пэн, давно знакомый мисс Кормет по стереографиям в прессе, где он появлялся в самых различных нарядах, что захватывали воображение богатых бездельников, прожигающих жизнь в свое удовольствие), совершенно бездумно выбрал именно этот день — когда у матери намечено наиважнейшее светское мероприятие, — чтобы покалечиться, причем довольно серьезно. Более того, он был настолько невнимателен к своей матушке, что совершил эту оплошность за полконтинента от дома.

Как поняла мисс Кормет, давняя привычка миссис Джонсон держать отпрыска под ногтем требовала от нее немедленного появления у постели больного. И разумеется, личного участия в подборе младшего медперсонала. Однако званый обед, назначенный на вечер, являл собой кульминацию многомесячных усилий и интриг. Короче, что же делать?

Заметив себе, что процветание «Неограниченных услуг» и ее собственный, довольно значительный, доход за-

висят в основном от глупости, отсутствия предприимчивости или просто лени пустоголовых паразитов на теле общества, мисс Кормет объяснила, что компания «Неограниченные услуги» проследит, чтобы ее светский обед прошел успешно, для чего они установят в ее гостиной переносной стереоэкран в полный рост: таким образом она сможет приветствовать гостей и давать объяснения, находясь непосредственно у постели сына. Мисс Кормет проследит, чтобы во главе операции стоял самый способный менеджер с безупречной репутацией в обществе, чья связь с «Неограниченными услугами» не известна никому. При правильной постановке дела катастрофу, мол, даже можно превратить в светский триумф, лишний раз подчеркнув, что миссис Джонсон не только изобретательная, гостеприимная хозяйка, но и заботливая мать.

— Воздушное такси, которое доставит вас в ракетный порт, прибудет к подъезду через двадцать минут, — добавила она, нажимая клавишу «Транспорт». — По дороге до порта вас будет сопровождать один из наших молодых сотрудников, которому вы сообщите все необходимые дополнительные сведения. Каюта для вас и место для вашей горничной зарезервированы на рейс до Ньюарка, отбывающий в 16.45. Можете ни о чем не беспокоиться. Теперь это будет делать за вас компания «Неограниченные услуги».

— О, благодарю вас, моя дорогая! Вы меня так выручили! Вы ведь просто не представляете себе, какая ответственность лежит на человеке с моим положением в обществе.

Мисс Кормет вполне профессионально выразила сочувствие и решила, что старуху можно раскрутить на дополнительные услуги.

— Вы очень устало выглядите, мадам, — произнесла она озабоченно. — Может быть, мне следует позаботиться о массажисте, который будет сопровождать вас в дороге? Как вы себя сейчас чувствуете? Может быть, лучше врача?

— О, вы так заботливы!

— Я пришлю обоих, — решила мисс Кормет и отключила экран, немного сожалея, что не догадалась сразу предложить отдельную ракету. Особые услуги, не включенные в прейскурант, оплачивались по схеме «цена-плюс», и в подобных случаях «плюс» означал столько, сколько можно вытянуть из клиента.

Она переключилась на служебный канал: на экране возникло изображение молодого человека с внимательным взглядом.

— Передаю запись, Стив, — сказала мисс Кормет. — Особые услуги, кредитный код — тройное «А». Я распорядилась о немедленном обслуживании.

Брови у Стива подскочили вверх.

— Тройное «А»... Премиальные?

— Несомненно. Обслужи эту старую перечницу по полной программе, и чтобы все было безукоризненно. Ее сын сейчас в больнице. Проверь медсестер, которые его обслуживают, и, если кто-то из них обладает хоть каплей привлекательности, немедленно поставь вместо нее какое-нибудь пугало.

— Понятно. Давай запись.

Она отключилась, экран потускнел, и над ним загорелся зеленый огонек — «Свободно». Затем почти тут же он сменился красным, и на экране материализовалось новое изображение.

Этот уже не будет швыряться деньгами попусту, подумала Грейс Кормет, увидев ухоженного мужчину лет за сорок, подтянутого, с проницательным взглядом — тверд, но вежлив. Накидка церемониального утреннего плаща была небрежно отброшена назад.

— «Неограниченные услуги», — сказала она. — Мисс Кормет слушает.

— Э-э-э... мисс Кормет, — начала мужчина, — я бы хотел поговорить с вашим руководством.

— С начальником оперативной службы?

— Нет, мне нужен президент «Неограниченных услуг».

— А что вас интересует? Может быть, я смогу вам помочь?

— Извините, но я не могу объяснить цель своего обращения. Мне необходимо увидеть президента, и немедленно.

— Извините и вы нас, но мистер Клер очень занятой человек. Увидеться с ним без предварительной договоренности и без объяснений цели визита просто невозможно.

— Вы записываете?

— Разумеется.

— Тогда будьте добры, отключите запись.

Грейс протянула руку и на виду у клиента выключила магнитофон. Затем нажала еще одну кнопку, уже под консолью, и включила запись снова. Иногда в «Неограниченные услуги» обращались с просьбами о чем-то незаконном, и служащие компании не болтали лишнего, однако предпочитали не рисковать. Мужчина выудил что-то из складок одежды и протянул в сторону мисс Кормет. Из-за стереоэффекта казалось, что он тянется прямо через экран.

Лишь профессиональная невозмутимость позволила Грейс скрыть удивление: перед ней блестела печать представителя всепланетного правительства, причем значок был зеленого цвета.

— Я договорюсь о встрече, — сказала она.

— Хорошо. И не могли бы вы встретить меня в фойе? Через десять минут.

— Я вас встречу, мистер... — Но он уже отключил аппарат.

Грейс соединилась с начальником оперативной службы и вызвала себе замену. Затем, отключив пульт, извлекла кассету с тайной записью разговора, взглянула на нее в нерешительности и спустя секунду опустила в прорезь на пульте, где мощное магнитное поле быстро уничтожило нестойкую запись на мягкой металлической ленте.

С противоположной стороны в кабинку вошла девушка — блондинка, довольно эффектная. Выглядела она чуть заторможенно и вяло, однако на самом деле ни то, ни другое к ней не относилось.

— Привет, Грейс, — сказала она. — Что-нибудь оставляешь?

— Нет. Чистый пульт.

— Что случилось? Заболела?

— Нет. — Ничего больше не объясняя, Грейс вышла из кабинки и прошла мимо целого ряда таких же помещений с операторами по особым услугам в большой зал, где работали операторы каталогизированных услуг. Здесь уже не было такого сложного оборудования, как в кабинке у Грейс: один огромный талмуд с перечислением цен на все стандартные услуги компании и обычный видеофон позволяли оператору вполне успешно справляться практически с любым пожеланием клиента. Если же запросы превышали возможности каталога, клиента соединяли с кем-нибудь из аристократов находчивости вроде Грейс.

Она срезала путь через главную картотеку, прошла между двумя рядами стучащих телетайпов и оказалась в фойе. Пневматический лифт мгновенно доставил ее на президентский этаж. Секретарша не остановила Грейс и даже не доложила о ее приходе, но Грейс заметила, как быстро забегали пальцы девушки по клавиатуре вокодера.

Обычно операторы не заходят просто так к президентам корпораций с оборотом в несколько миллиардов долларов, но в плане организации компания «Неограниченные услуги» заметно отличалась от всех других на планете. Как и везде, здесь учитывали, покупали и продавали специальную подготовку, но превыше всего компания ценила находчивость и быстрый ум. Первым в иерархии компании стоял президент Джей Клер, вторым — его помощник Сандерс Фрэнсис, а дальше шли чуть больше двух десятков операторов, принимавших заказы на особые услуги, к числу которых принадлежала и Грейс. Они — и менеджеры, в чью задачу входило выполнение особо сложных специальных заданий. Собственно, это была одна группа, поскольку операторы и менеджеры такого класса нередко просто подменяли друг друга.

За ними уже шли десятки тысяч других сотрудников, рассеянных по всей планете, — от главного бухгалтера, начальника юридического отдела, главного архивиста до местных управляющих, операторов стандартных услуг и прочих, включая временных сотрудников: стенографисток, работающих где и когда требуется, повес, готовых занять пустующее место за праздничным столом, и так далее — вплоть до человека, сдающего внаем броненосцев и дрессированных блох.

Грейс прошла в кабинет мистера Клера — единственное помещение в здании, не заставленное электромеханическим, записывающим и коммуникационным оборудованием. Здесь был лишь стол (голый), несколько кресел и стереозэкран, который, не будучи занят, выглядел известной картиной Кранца «Плачущий Будда». На самом деле оригинал находился в подземном хранилище в тысяче футов под кабинетом.

— Привет, Грейс, — поздоровался президент и придвинул ей листок бумаги. — Что ты об этом думаешь? Санс говорит, это дрянь.

Сандерс перевел спокойный взгляд своих чуть выпученных глаз с шефа на Грейс Кормет, но никак не прокомментировал сказанное.

Грейс прочла:

МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ ПОЗВОЛИТЬ СЕБЕ?

МОЖЕТЕ ЛИ ВЫ ПОЗВОЛИТЬ СЕБЕ

«НЕОГРАНИЧЕННЫЕ УСЛУГИ»?

Можете ли вы НЕ позволить себе

«Неограниченные услуги»???

**В наш реактивный век, можете ли вы позволить себе
тратить свое драгоценное время на то, чтобы ходить
по магазинам, самим оплачивать счета,
убирать жилище?**

Мы отшлепаем за вас ребенка и накормим кошку.

Мы снимем вам дом и купим новые ботинки.

Мы напишем за вас письмо теще и подсчитаем расходы по корешкам чеков.

**Для нас нет работы слишком большой или слишком
незначительной — и все услуги удивительно дешевы!**

«НЕОГРАНИЧЕННЫЕ УСЛУГИ»

ЗВОНИТЕ В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ

P.S. А ЕЩЕ МЫ ВЫГУЛИВАЕМ СОБАК.

— И как? — спросил Клер.

— Санс прав. Дрянь.

— Почему?

— Слишком логично. Слишком многословно. Нет динамики.

**— А как, по-твоему, должна выглядеть реклама для
неохваченного рынка?**

**Грейс на секунду задумалась, затем взяла у Клера
ручку и написала:**

ВАМ НУЖНО КОГО-НИБУДЬ УБИТЬ?

Тогда НЕ обращайтесь в

«НЕОГРАНИЧЕННЫЕ УСЛУГИ».

По любому другому поводу звоните

В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ — окупится!

P.S. А еще мы выгуливаем собак.

— М-м-м... Может быть... — осторожно сказал мистер Клер. — Попробуем. Санс, организуй распространение по типу В, две недели, только на Северную Америку. Потом дашь мне знать, как это восприняли.

**Фрэнсис спрятал листок в свой кейс, храня все то же
непроницаемое выражение лица.**

— А теперь, как я и говорил... — начал было президент.

— Шеф, — перебила его Грейс. — Я назначила тебе встречу. Через... — Она взглянула на часы в перстне. — Через две минуты и сорок секунд. Человек из правительства.

— Облагодетельствуй его и отправь назад. Я занят.

— Зеленый значок.

Мистер Клер встrepенулcя. Даже Фрэнсис посмотрел на нее с интересом.

— Вот как? Запись разговора у тебя с собой?

— Я ее стерла.

— Да? Впрочем, тебе видней... Твои предчувствия никогда тебя не подводили. Что ж, веди его сюда.

Она кивнула и вышла.

Спустя минуту ее человек появился в приемной для публики, и она провела его мимо нескольких постов, где в противном случае от гостя обязательно потребовали бы документы и причину визита. Оказавшись в кабинете Клера, тот огляделся и спросил:

— Могу ли я говорить наедине с вами, мистер Клер?

— Мистер Фрэнсис — моя правая рука. А с мисс Кормет вы уже общались.

— Хорошо. — Он снова достал зеленый значок и протянул его Клеру. — Пока обойдемся без имен, хотя я и не сомневаюсь, что на вас можно положиться.

Президент компании нетерпеливо выпрямился.

— Давайте к делу. Вы — Пьер Бьюмон, глава протокольного отдела. Администрации требуется выполнить какую-то работу?

Бьюмон словно не заметил перемены темпа.

— Что ж, раз вы меня знаете... Отлично. До дела мы еще доберемся. Возможно, правительству действительно потребуются ваши услуги. Но в любом случае содержание нашего разговора должно остаться между нами.

— Все связи «Неограниченных услуг» являются служебной тайной.

— Речь идет не о служебной тайне. Мне необходима полная секретность, — сказал Бьюмон и умолк.

— Я все понимаю, — согласился Клер. — Продолжайте.

— Занятная у вас организация, мистер Клер. Насколько я понимаю, вы готовы взяться за любое дело — при соответствующем вознаграждении.

— Если это не противоречит закону.

— Да, конечно. Но закон можно интерпретировать по-разному. Я до сих пор восхищаюсь вашими действиями при оснащении Второй экспедиции к Плутону. Некоторые ваши методы, на мой взгляд, просто м-м-м... бесподобны.

— Если у вас есть какие-то претензии, их лучше предъявить нашему юридическому отделу по обычным каналам.

Бьюмон выставил ладонь вперед:

— Ну что вы, мистер Клер. Вы неправильно меня поняли. Я не собирался критиковать. Наоборот. Сколько изобретательности! Из вас вышел бы отличный дипломат!

— Ладно, давайте оставим пустые разговоры. Чего вы от нас хотите?

Бьюмон вытянул губы трубочкой, затем сказал:

— Предположим, вам необходимо принять более десятка представителей различных рас в этой планетарной системе и вы хотите, чтобы все они чувствовали себя как дома и не испытывали никаких затруднений. Такая задача вам по силам?

Клер принялся размышлять вслух:

— Давление, влажность, радиационный фон, состав атмосферы, температура, культурные условия — это все просто. А как насчет силы тяжести? Мы могли бы приготовить центрифугу для юпитерианцев, но с марсианами и титанцами все гораздо сложнее. Мы не можем уменьшить притяжение Земли. Придется принимать их на орбите или на Луне. Следовательно, это не по нашей части: мы никогда не оказываем услуг за пределами стратосферы.

Бьюмон покачал головой:

— Ни в коем случае не за пределами стратосферы. Основное условие заключается в том, что встречу необходимо провести здесь, на Земле.

— Почему?

— Разве в «Неограниченных услугах» принято спрашивать, почему клиенту требуется тот или иной вид услуг?

— Нет. Извините.

— Ничего страшного. Но вам, безусловно, потребуется дополнительная информация, чтобы понять, что именно надлежит сделать и почему работа должна проводиться тайно. В недалеком будущем — максимум через девяносто дней — на этой планете состоится конференция. Однако до официального объявления никто не должен даже догадываться о ее созыве. Если о подготовке станет известно в определенных кругах, само проведение конференции потеряет свой смысл. Считайте эту конференцию чем-то вроде «круглого стола» с участие ведущих э-э-э... ученых системы примерно такого же состава и масштаба, как сессия Академии, проходившая прошлой весной на Марсе. Вы должны подготовить все необходимое для приема делегатов, но до поры до времени скрывать приготовления в недрах вашей организации. Что касается деталей...

— Вы, похоже, считаете, что мы уже взялись за эту работу, — перебил его Клер. — Но, судя по вашим объяснениям, нас ждет лишь колоссальный провал. В «Неограниченных услугах» провалов не любят. Мы оба с вами знаем, что жители планет с низкой гравитацией не способны провести в условиях повышенной силы тяжести более нескольких часов — во всяком случае, без того, чтобы не нанести серьезный ущерб своему здоровью. Межпланетные встречи всегда проводились на планетах с низкой гравитацией и всегда будут проводиться в подобных условиях.

— Да, всегда проводились, — терпеливо подтвердил Бьюмон. — Но вы представляете себе, в каком дипломатически невыгодном положении оказываются вследствие этого Земля и Венера?

— Не особенно.

— Впрочем, может, это и не нужно. Политическая психология не должна вас волновать. Но поверьте, невыгодное положение — реальность, и эту конференцию Администрация намерена провести именно на Земле.

— Почему не на Луне?

Бьюмон покачал головой:

— Это не одно и то же. Хотя формально спутник находится в подчинении Земли, Луна-Сити — свободный порт. Психологически это совсем разные вещи.

— Мистер Бьюмон, — сказал Клер, в свою очередь качая головой, — мне кажется, вы в такой же степени не

понимаете характера работы «Неограниченных услуг», как я не понимаю тонкостей дипломатии. Мы здесь не творим чудеса и не обещаем их. Мы просто посредники, типичные посредники из прошлого века, только инкорпорированные и оснащенные новейшей технологией. Мы, можно сказать, современный эквивалент отмирающего класса прислуги, но отнюдь не джинны из лампы Аладдина. У нас даже нет серьезных исследовательских лабораторий. Просто мы по возможности полно используем последние достижения техники связи и менеджмента и делаем то, что уже может быть сделано. — Он махнул рукой, указывая на стену, где висела освященная временем эмблема компании — шотландская овчарка на натянутом поводке, обнюхивающая столб. — Вот суть нашей работы. Мы выгуливаем собак за тех, кому некогда заниматься этим самим. Мой дед зарабатывал так себе на колледж. И я тоже до сих пор выгуливаю собак. Но я никогда не обещаю чудес и не вмешиваюсь в политику.

Бьюмон старательно соединил кончики пальцев:

— Вы выгуливаете собак за плату. Да, разумеется, ведь вы выгуливаете и моих двоих. Пять мини-кредиток — это совсем недорого.

— Верно. Но сотня тысяч собак, два раза в день, дает совсем неплохой доход.

— Доход за выгуливание этой «собаки» будет весьма значителен.

— Сколько? — спросил Фрэнсис, впервые выказав интерес к теме разговора.

Бьюмон перевел взгляд в его сторону.

— Результатом этого э-э-э... «круглого стола» могут стать буквально сотни миллиардов кредиток для нашей планеты. И, простите за выражение, жаться мы не станем.

— Сколько?

— Тридцать процентов от общей стоимости работ вас устроит?

Фрэнсис покачал головой:

— Может статься, это будет не так много.

— Хорошо, давайте не будем торговаться. Скажем, мы оставим сумму на ваше усмотрение, джентльмены, — простите, мисс Кормет, — и вы сами решите, сколько стоят ваши услуги. Думаю, я могу положиться на ваш планетарный и расовый патриотизм.

Фрэнсис молча откинулся на спинку кресла, но на лице у него промелькнуло довольное выражение.

— Минуту! — запротестовал Клер. — Мы еще не дали согласия!

— Но ведь мы уже обсудили вознаграждение, — заметил Бьюмон.

Клер перевел взгляд с Фрэнсиса на Грейс Кормет, затем на свои ладони.

— Дайте мне двадцать четыре часа. Я узнаю, возможно ли это в принципе, — сказал он наконец, — и тогда сообщу вам, возьмемся ли мы выгуливать вашу собаку.

— Я не сомневаюсь, что возьметесь, — ответил Бьюмон, вставая и запахивая плащ.

— Ну что, умники, — произнес Клер с горечью, — допрыгались?

— Я как раз хотела вернуться к работе менеджера, — сказала Грейс.

— Всем остальным, кроме проблемы гравитации, может заниматься подчиненная команда, — предложил Фрэнсис. — Гравитация — единственная загвоздка, остальное — ерунда.

— Разумеется, — согласился Клер, — но именно с этой загвоздкой нужно справиться. В противном случае у нас будут только колоссальные подготовительные расходы, которые нам никогда не оплатят. Кому ты хочешь поручить это дело? Грейс?

— Видимо, — ответил Фрэнсис. — Она вполне способна сосчитать до десяти.

Грейс Кормет бросила на него холодный взгляд.

— Иногда, Санс Фрэнсис, я и в самом деле жалею, что вышла за тебя замуж.

— Свои семейные разногласия будете утрясать дома, — предупредил Клер. — С чего начнем?

— Надо узнать, кто разбирается в вопросах гравитации лучше всех, — решил Фрэнсис. — Грейс, свяжись с доктором Кратволом.

— Хорошо, — сказала она и подошла к пульту стереоэкрана. — В нашем деле есть огромный плюс: вовсе не обязательно знать все, важно лишь знать, где узнать.

Доктор Кратвол входил в число постоянных сотрудников «Неограниченных услуг». И хотя в настоящий момент он не участвовал ни в одной целевой программе,

компания платила ему солидное жалованье и предоставила неограниченный кредит для оплаты любых научных публикаций и поездок на всяческие конференции, которые время от времени устраивают ученые мужи. Доктору Кратволу недоставало упорства настоящего исследователя, он по натуре был дилетантом.

Но иногда ему задавали вопросы, и тут расходы всегда окупались.

— О, привет, моя дорогая! — Лицо доктора Кратвола на экране расплылось в улыбке. — Знаешь, я только что обнаружил в последнем номере «Нейчер» интереснейший факт. Теория Браунли предстает теперь в совершенно неожиданном...

— Секундочку, док, — перебила его Грейс. — У нас мало времени.

— Да. Слушаю.

— Кто разбирается в вопросах гравитации лучше всех?

— В каком смысле? Вам нужен астрофизик или специалист в вопросах теоретической механики? В первом случае я бы, пожалуй, рекомендовал Фаркварсона.

— Я хочу попытаться понять суть явления. Как, что и почему.

— Ага. Значит, теория поля, так? В этом случае Фаркварсон вам не нужен: он занимается по большей части описательной баллистикой. Применительно к вашему случаю, я бы сказал, что наиболее авторитетны здесь работы доктора Джулиана.

— Как нам с ним связаться?

— Боюсь, это невозможно. Бедняга умер в прошлом году. Огромная потеря для науки.

Грейс не стала выяснять, насколько велика эта потеря, и спросила:

— Кто занял его место?

— В смысле? А, понял. Вам нужен человек, занимающий сейчас ведущие позиции в теории поля. Я бы сказал, это О'Нейл.

— Где он?

— Мне надо будет выяснить. Я его немного знаю. С ним не очень-то легко иметь дело.

— Выясните, пожалуйста. И скажите, кто мог бы тем временем дать нам хотя бы общие представления о гравитации?

— Может, вам стоит связаться с молодым Карсоном из нашего же проектного отдела? До перехода сюда он очень активно интересовался подобными вопросами. Весьма сообразительный парень — я с ним неоднократно беседовал.

— Хорошо. Спасибо, док. Свяжитесь с кабинетом шефа, как только отыщете О'Нейла. Это очень срочно, — сказала Грейс и отключила аппарат.

Карсон согласился с мнением О'Нейла, однако тут же высказал свои сомнения:

— О'Нейл высокомерен, и с ним очень тяжело договориться. Я у него работал. Но он, без сомнения, знает о теории поля и структуре космического пространства больше, чем кто бы то ни было на Земле.

Карсона посвятили в суть дела и объяснили стоящую перед ним задачу. Он сразу признал, что не видит решения.

— Может быть, мы все-таки преувеличиваем сложность проблемы, — сказал Клер. — У меня есть кое-какие идеи. Давайте посмотрим, прав я или нет.

— Что же, давайте, шеф.

— Притяжение, насколько я понимаю, создается близостью массы, так? Соответственно, привычная нам сила тяжести создается самой Землей. Каков будет результат, если над определенной точкой поверхности планеты поместить значительную массу? Получим ли мы противодействие силе земного тяготения?

— Теоретически да. Но это должна быть чертовски большая масса.

— Неважно.

— Очень даже важно, шеф. Чтобы полностью нейтрализовать притяжение Земли в данной точке, потребуется еще одна планета такого же размера, соприкасающаяся с Землей. Разумеется, если вам нужно устранить тяготение не полностью, а частично, можно использовать меньшую массу с центром тяжести ближе к этой точке. Но толку все равно не будет. Притяжение ослабевает пропорционально квадрату расстояния от центра тела — в данном случае половины диаметра, а масса тела и, соответственно, создаваемая им сила тяжести уменьшается пропорционально кубу диаметра.

— И что выходит?

Карсон что-то подсчитал, затем поднял взгляд:

— Даже говорить страшно. Тут потребовался бы довольно большой астероид, причем из свинца.

— Астероиды уже перемешали.

— Да, но на чем он будет держаться? Ничего не получится, шеф: на свете нет ни источника энергии, ни технологии, которые позволили бы вам повесить над определенной точкой на поверхности Земли большой планетоид и удержать его на месте.

— Что ж, это была всего лишь идея, — сказал Клер задумчиво.

Грейс следила за обсуждением, наморщив лоб, затем решила высказаться:

— Насколько я понимаю, гораздо эффективнее в таком случае использовать очень большую массу в маленьком объеме. Я, кажется, читала где-то о веществах, плотностью в несколько тонн на кубический дюйм.

— Ядра карликовых звезд, — согласился Карсон. — Все, что нам нужно, это корабль, способный преодолеть несколько светов лет за считанные дни, затем способ получить материю из ядра такой звезды и новая теория пространства-времени.

— Ладно. Бог с ними.

— Положите, — заметил Фрэнсис. — Магнетизм в определенном смысле очень напоминает гравитацию, так ведь?

— Да, пожалуй.

— А нельзя ли как-нибудь намагнитить этих гостей с маленьких планет? Может, какие-то отличия в их биохимии?..

— Хорошая идея, — согласился Карсон. — Они действительно отличаются от нас, но не настолько сильно: по большому счету, это все та же органика.

— Видимо, да. Ничего не выйдет.

В этот момент вспыхнул экран, и доктор Кратвол доложил, что О'Нейла можно разыскать в его летнем доме в Портидже, штат Бисконсин. Сам он с ним еще не связывался и, если шеф не будет настаивать, предпочел бы, чтобы это сделал кто-то другой.

Клер поблагодарил его и повернулся к остальным.

— Мы попусту тратим время, — заявил он. — После стольких лет нам следовало бы знать, что технические вопросы не по нашей части. Я не физик, в конце концов, и мне решительно все равно, что собой представляет гра-

витация. Это дело О'Нейла. И Карсона. Кстати, Карсон, вы сейчас отправляетесь в Висконсин и нанимаете О'Нейла.

— Я?

— Да. Вам поручается эта операция — с соответствующей прибавкой к жалованью. Мигом в порт. Ракета и кредитные документы уже будут готовы. Через семь-восемь минут вы должны быть в воздухе.

Карсон моргнул.

— А как насчет моей текущей работы?

— В проектный отдел сообщат. И в расчетный. Вперед.

Карсон молча направился к двери. Покидая кабинет, он уже почти бежал.

* * *

После отбытия Карсона им оставалось только ждать его доклада, но, еще не дожидаясь результатов, они развернули деятельность по воссозданию полных физических и культурных условий трех планет и четырех крупных спутников — за исключением гравитации у поверхности каждого небесного тела. Задача, хотя и новая, в общем-то не представляла для «Неограниченных услуг» особых сложностей. Где-то кто-то наверняка знал все необходимые ответы, и огромная гибкая организация под названием «Неограниченные услуги» планировала отыскать этих людей, нанять и включить в работу. Любой из операторов по особым услугам и значительный процент сотрудников рангом пониже могли взяться за дело и выполнить его — спокойно и без суеты.

Фрэнсис связался с одним из операторов по особым услугам, он даже не выбирал кого-то конкретно, просто поручил работу первому из числа свободных в данный момент: все они были готовы взяться за любое задание. Фрэнсис подробно проинструктировал своего сотрудника и тотчас же выбросил из головы все мысли о новом проекте. Задание будет выполнено, и непременно в срок. Чуть громче застучат телетайпы, чаще засверкают стереоз экраны, и множество сообразительных молодых людей по всей Земле оставят свои прежние дела и кинутся на поиски специалистов, которые и сделают всю работу.

Он повернулся к Клеру, и тот сказал:

— Хотел бы я знать, что у Бьюмона на уме. Научная конференция — это, конечно, для отвода глаз.

— Мне казалось, что политика тебя не интересует, Джей.

— Верно, ни межпланетная, ни какая другая. Разве что в тех случаях, когда это может повлиять на наш бизнес. Но если бы я точно знал, что происходит, мы, возможно, сумели бы отрезать себе кусок побольше.

— Думаю, можно не сомневаться, — вставила Грейс, — что соберутся серьезные политики со всех планет и будет большая дележка ресурсов системы.

— Да, но кого выкинут из игры?

— Надо полагать, Марс.

— Возможно. И бросят кость венерианцам. В таком случае есть смысл прикупить акций Юпитерианской торговой корпорации.

— Полегче тут, — предостерег Фрэнсис. — Стоит только начать, и кто-то обязательно заинтересуется, а у нас секретная работа.

— Видимо, ты прав. Тем не менее держи ухо востро. Наверняка найдется какой-нибудь способ погреть руки, пока вся эта история не закончилась.

Зазвонил телефон Грейс Кормет, и она доставала аппарат из кармана:

— Да?

— Вас спрашивает некто миссис Хогбейн-Джонсон.

— Займитесь ею. Я сдала дежурство.

— Она не хочет говорить ни с кем, кроме вас.

— Хорошо. Подключите ее к экрану шефа, но держитесь на параллельной линии. Я с ней поговорю, но заниматься ее делом будете вы.

Экран ожил, и в центре появилось плоское, обрамленное рамкой изображение миссис Джонсон — одно только пухлое лицо:

— О, мисс Кормет, — простонала она. — Произошла ужасная ошибка. На этой ракете нет стереосвязи.

— Ее установят в Цинциннати. Примерно через двадцать минут.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— О, благодарю вас! С вами так приятно иметь дело. И знаете, я подумываю о том, чтобы пригласить вас на должность секретарши.

— Спасибо, — ответила Грейс, не моргнув глазом, — но у меня контракт.

— О, какая глупость! Вы ведь можете разорвать контракт.

— Это невозможно. Извините, миссис Джонсон. До свидания. — Грейс отключила экран и снова взяла телефон. — Передайте в расчетный отдел, чтобы удвоили стоимость ее заказа. И я не намерена разговаривать с ней впредь.

Она в раздражении сунула аппарат обратно в карман. Надо же додуматься! Секретарша!

После обеда, когда Клер отправился домой, позвонил Карсон, и его соединили с кабинетом Фрэнсиса.

— Успешно? — спросил он, когда на экране возникло изображение Карсона.

— Отчасти. Я виделся с О'Нейлом.

— И что же? Он сделает это?

— Вы имеете в виду, сможет ли он выполнить работу?

— Да, именно. Сможет?

— Вот здесь-то и начинается самое интересное. Я полагал, это даже теоретически невозможно. Но, поговорив с ним, понял, что очень даже возможно. У него есть новые разработки по теории поля, которые он до сих пор не публиковал. О'Нейл — настоящий гений.

— Меня меньше всего волнует, гений он или идиот, — сказал Фрэнсис. — Важно другое: построит ли он нам какой-нибудь нейтрализатор или уменьшитель гравитации?

— Думаю, да. Уверен.

— Отлично. Вы с ним договорились?

— В том-то и дело, что нет. Поэтому я и звоню. Ситуация такова: я его застал в хорошем расположении духа, ну и, поскольку мы когда-то вместе работали и я раздражал его реже, чем другие ассистенты, он пригласил меня остаться на обед. Поговорили о том о сем — его просто нельзя торопить, — а потом я сделал ему предложение от лица компании. Его это слегка заинтересовало — я имею в виду, сама идея, а не предложение, — и он поделился со мной кое-какими своими соображениями. Но работать на нас О'Нейл не будет.

— Почему? Вы, очевидно, предложили ему слишком мало. Видимо, этим придется заняться мне.

— Нет, мистер Фрэнсис, не в этом дело. Деньги его не интересуют. Он весьма состоятелен и вполне способен финансировать свои собственные исследовательские программы. У него вообще денег больше, чем ему нужно. Но в настоящее время О'Нейл занимается волновой механикой и не хочет отвлекаться ни на что другое.

— Выдали ему понять, насколько важна наша работа?

— И да, и нет. Скорее нет. Я пытался, но для него нет ничего важнее собственных планов. Своего рода интеллектуальный снобизм, если хотите. Заботы других людей его просто не трогают.

— Ладно, — сказал Фрэнсис. — Пока я вашими действиями доволен. Теперь вы займетесь вот чем: как только мы закончим разговор, вы свяжетесь с оперативным отделом и запишете все, что запомнили из разговора с О'Нейлом о теории гравитации. Мы найдем других специалистов в этой области, скормим им новую информацию и посмотрим, не возникнет ли у них каких-то годных идей. Я же тем временем назначу группу людей, чтобы проверили его прошлое. Должны же у него быть какие-то уязвимые места — нужно их только найти. Может быть, какая-нибудь женщина...

— Годы уже не те.

— ...или какие-то укрытые от налогов суммы. Разберемся. Вы оставайтесь в Портидже. Раз вам не удалось нанять его, попробуйте наняться к нему. Будете снабжать нас информацией. Нам просто необходимо узнать, о чем он, может быть, мечтает или чего боится.

— Он ничего не боится. Это совершенно точно.

— Тогда ему что-то очень нужно. Если не деньги или женщины, то обязательно что-нибудь другое. Это как закон природы.

— Сомневаюсь, — медленно произнес Карсон. — Хотя... Я еще не рассказал о его хобби?

— Нет. Что за хобби?

— Фарфор. В частности, фарфор династии Мин. Судя по всему, у него лучшая коллекция в мире. И я знаю, что ему нужно!

— И что же это? Не тяните.

— Маленькое китайское блюдечко — или мисочка — дюйма четыре в диаметре и два дюйма высотой. У этой штуковины есть китайское название, которое переводится как «Цветок забвения».

— Хм... не очень обнадеживающе. Думаете, он действительно ему нужен?

— Уверен. У него в кабинете есть голограмма «Цветка» — чтобы он все время был перед глазами. Но когда О'Нейл говорит о нем, у него только что слезы не наворачиваются.

— Узнайте, где он находится и кому принадлежит.

— Уже знаю. В Британском музее. Потому-то О'Нейл и не может его купить.

— Вот как? — задумчиво произнес Фрэнсис. — Ладно, тут ничего не поделаешь. Действуйте дальше.

Клер явился в кабинет к Фрэнсису, и они обсудили ситуацию втроем.

— Похоже, нам для этого понадобится Бьюмон, — сказал он, — выслушав последние новости. — Выцарапать что-нибудь у Британского музея — на это способно только Всемирное правительство.

Фрэнсис угрюмо молчал.

— Что ты молчишь? Я что-нибудь не то сказал?

— Кажется, я знаю, в чем дело, — пояснила Грейс. — Помнишь договор, по которому Великобритания вошла в планетарную конфедерацию?

— Историю я всегда знал неважно.

— Суть в том, что правительство Земли просто не сможет взять что-то из музея без согласия британского парламента.

— Почему? Договор договором, но мировое правительство обладает всей полнотой власти над отдельными странами. Это подтвердил еще Бразильский Инцидент.

— Да, разумеется. Но в палате общин начнут задавать вопросы, а это приведет к тому, чего Бьюмон старается всеми силами избежать, — к огласке.

— Ладно. Что вы предлагаете?

— Думаю, нам с Сансом нужно прокатиться в Англию и разузнать, насколько крепко «Цветок забвения» «приколочен» к месту, кто «забивает гвозди» и какие у него слабости.

Клер посмотрел на своего помощника: взгляд Фрэнсиса, казалось, ничего не выражал, но, зная его долгие годы, Клер понял, что тот согласен.

— О'кей, — сказал он. — Берите это дело в свои руки. Полетите специальным рейсом?

— Нет, думаю, мы успеем на полуночный из Нью-Йорка. Пока.

— Пока. Завтра позвоните.

Когда Грейс появилась на следующий день на экране, Клер удивленно воскликнул:

— Боже, крошка! Что ты с собой сделала?

— Мы нашли нужного человека, — коротко объяснила Грейс. — Он любит блондинок.

— Но ты, похоже, еще и кожу осветлила?

— Да. Как я тебе в таком виде?

— Изумительно! Хотя раньше ты мне нравилась больше. Что об этом думает Санс?

— Он не возражает: дело есть дело. Однако докладывать мне особенно нечего, шеф. Придется добывать товар левым путем. Обычными способами — никаких шансов.

— Не поступай опрометчиво.

— Ты же меня знаешь. Я не впутаю тебя в какую-нибудь историю. Но получится недешево.

— Разумеется.

— Тогда пока все. До завтра.

На следующий день она снова была брюнеткой.

— Что такое? — спросил Клер. — Маскарад?

— Оказалось, я не из тех блондинок, которые его интересуют, — пояснила Грейс, — но мы уже нашли подходящую.

— Сработало?

— Думаю, сработает. Санс готовит копию. Если все будет успешно, завтра увидимся.

Они вошли в кабинет — как будто бы с пустыми руками.

— Ну? — спросил Клер. — Как дела?

— Заэкранируй помещение, Джей, — предложил Фрэнсис. — Тогда и поговорим.

Клер шелкнул тумблером интерференционного поля, и кабинет превратился в неприступную для любых следящих устройств гробницу.

— Как дела? — спросил он снова. — Дōстали?

— Покажи ему, Грейс.

Грейс отвернулась, покопалась в одежде, извлекла «Цветок забвения» и поставила на стол шефа.

Сказать, что «Цветок» красив, значило бы вообще ничего не сказать. Он и был сама красота. Изящная простая форма без всякого орнамента — рисунок только испортил бы это чудо. Рядом с ним хотелось говорить шепотом, словно резкий звук мог уничтожить хрупкое творение искусства.

Клер потянулся было к «Цветку», но одумался и отдернул руку. Затем склонился над ним и заглянул внутрь. Дно сосуда угадывалось с трудом — как будто взгляд медленно уходил все глубже, тонул в этом средоточии света.

Он резко выпрямился, моргнул и прошептал:

— Боже... Я даже не подозревал, что на свете есть нечто подобное.

Затем посмотрел на Грейс и на Фрэнсиса. У того в глазах стояли слезы — а может, ему показалось, потому что слезы застилали глаза ему самому.

— Послушай, Джей, — сказал наконец Фрэнсис. — Может... Может, оставим его себе и просто откажемся от всего этого дела?

— По-моему, говорить об этом дальше бессмысленно, — устало произнес Фрэнсис. — Мы не можем оставить его у себя. Мне не следовало предлагать это, а тебе не следовало меня слушать. Давай свяжемся с О'Нейлом.

— Может, подождем еще денек и потом решимся, — предложил Клер, и его взгляд снова вернулся к «Цветку забвения».

Грейс покачала головой.

— Зачем? Завтра расстаться с ним будет еще труднее. Я просто чувствую. — Она решительно подошла к экрану и набрала нужную комбинацию.

О'Нейл был очень рассержен, что его потревожили, тем более что они воспользовались экстренным кодом и вызвали его к отключенному экрану.

— В чем дело? — резко спросил он. — По какому праву вы беспокоите частное лицо, да еще через отключенный экран? Немедленно объяснитесь, и ваше счастье, если объяснение меня удовлетворит, а не то я еще в суд на вас подам.

— Мы бы хотели заказать вам небольшую работу, доктор, — спокойно начал Клер.

— Что? — О'Нейл, казалось, был слишком удивлен, чтобы рассердиться всерьез. — Вы хотите сказать, что нарушили мое уединение, чтобы предложить мне работать на вас?

— Вознаграждение вас наверняка удовлетворит.

О'Нейл помолчал, словно успокаивая нервы, сосчитал до десяти, затем сдержанно сказал:

— Сэр, некоторые люди считают, будто могут купить что угодно или кого угодно. Согласен, часто не без оснований. Но должен вам сказать, что я не продаюсь за деньги. И поскольку вы, по-видимому, принадлежите к числу таких людей, я приложу все усилия, чтобы это интервью обошлось вам недешево. Мой адвокат с вами свяжется. Всего доброго!

— Подождите, — торопливо сказал Клер. — Насколько я понимаю, вас интересует фарфор...

— Что если это и так?

— Покажи ему, Грейс.

Грейс бережно, почти с благоговением взяла «Цветок забвения» в руки и поднесла к экрану.

О'Нейл молча наклонился вперед и впился взглядом в фарфоровый сосуд. Еще немного, и он бы, наверное, пролез сквозь экран.

— Где вы его взяли? — спросил он наконец.

— Неважно.

— Я готов его купить — назначайте цену.

— Не продается. Но вы можете заполучить «Цветок», если мы придем к соглашению.

О'Нейл смерил его взглядом.

— Он украден.

— Ошибаетесь. И уверяю вас, вы вряд ли найдете кого-нибудь, кто заинтересуется подобным обвинением. А по поводу работы...

О'Нейл оторвал взгляд от «Цветка забвения».

— Что вам от меня нужно?

Клер объяснил ему суть проблемы, и, выслушав его до конца, О'Нейл покачал головой.

— Но это просто смешно!

— У нас есть основания полагать, что теоретически тут нет ничего невозможного.

— Разумеется! Теоретически можно и жить до бесконечности, только никому это еще не удавалось.

— Мы думаем, что вы справитесь.

— Благодарю, конечно... Кстати... — О'Нейл ткнул пальцем в сторону Клера. — Вы, значит, и подпустили ко мне этого щенка Карсона!

— Он действовал в соответствии с моими распоряжениями.

— Тогда, сэр, мне не нравятся ваши манеры.

— Ладно. Как насчет работы? И вот этого? — Клер указал на «Цветок забвения».

О'Нейл снова долго его разглядывал и жевал ус.

— Предположим, — вымолвил он наконец, — я приложу все свои силы к решению вашей проблемы... и потерплю неудачу.

— Мы платим только за результат, — сказал Клер, качая головой. — Вы, разумеется, получите денежное вознаграждение, но не это. «Цветок» будет премией, и только в случае успеха.

О'Нейл, похоже, согласился, потом вдруг обеспокоенно спросил:

— А что если вы просто дурачите меня голограммой? Этот чертов экран не дает возможности удостовериться.

Клер пожал плечами.

— Приезжайте.

— И приеду. Немедленно. Ждите. Кстати, где вы находитесь и, черт побери, сэр, как вас зовут?

Спустя два часа О'Нейл влетел в кабинет президента «Неограниченных услуг».

— Вы меня обманули! Я навел справки, и «Цветок» по-прежнему в Англии. Я... Вы еще пожалеете об этом, сэр!

— Можете убедиться сами, — ответил Клер и шагнул в сторону, чтобы О'Нейлу был виден стол.

Они его не тревожили, понимая, что надо дать человеку спокойно насладиться чудом, и спустя какое-то время он повернулся к ним сам, но продолжал молчать.

— Так как? — спросил Клер.

— Я построю вашу чертову машину, — сказал О'Нейл хрипло. — По пути сюда я понял, с чего надо начинать.

Бьюмон явился лично за день до открытия первой сессии конференции.

— Просто светский визит, мистер Клер, — заявил он. — Я хотел выразить свое восхищение по поводу выполненной вами работы. И передать вот это. — Он вручил Клеру чек Центрального Банка на оговоренную сумму.

Клер принял чек, взглянул на цифры, кивнул и, положив на стол, сказал:

— Надо понимать, правительство удовлетворено качеством наших услуг.

— Это слишком осторожная оценка, — заверил его Бьюмон. — По правде сказать, я не думал, что вам удастся выполнить такой объем работ. Однако, похоже, что вы продумали решительно все. Делегация с Каллисто сейчас как раз путешествует в одной из этих передвижных цистерн, что разработали ваши люди. Они в полном восторге. Между нами говоря, я думаю, мы можем рассчитывать на их голоса на предстоящей сессии.

— Гравитационные экраны работают нормально?

— Безукоризненно. Я заходил в одну из таких цистерн, прежде чем их передали в пользование инопланетянам, и буквально не чувствовал своего веса — меня даже замутило, как в невесомости. — Он косо улыбнулся. — В юпитерианские корпуса я тоже заглядывал — совсем другое дело.

— Да уж, — согласился Клер. — Когда сила тяжести в два с половиной раза больше земной, это, мягко говоря, давит.

— Что ж, задача была сложная, но вы справились с ней с честью. Мне пора идти. Впрочем, осталось еще одно дело... Я уже говорил доктору О'Нейлу, что администрацию, возможно, заинтересуют и другие сферы применения его открытия. Чтобы упростить дело, нам желательно получить от «Неограниченных услуг» отказ от претензий на эффект О'Нейла.

Клер задумчиво посмотрел на «Плачущего Будду», погрыз костяшку большого пальца, затем медленно произнес:

— Нет. Боюсь, это будет сложно.

— Почему же? — спросил Бьюмон. — Таким образом нам удалось бы обойтись без вынесения судебного решения и сэкономить время. Мы готовы признать ваше участие и компенсировать его значительной суммой.

— М-м-м. Похоже, вы не совсем понимаете ситуацию, мистер Бьюмон. Между нашим с вами контрактом и

контрактом доктора О'Нейла с «Неограниченными услугами» есть значительная разница. Вы заказали определенный тип услуг и определенный товар, необходимый для выполнения услуг. И то, и другое мы вам предоставили — за плату. Дело сделано. А в контракте доктора О'Нейла оговорено, что на время действия контракта он является нашим штатным сотрудником. Следовательно, все результаты его исследований и соответствующие патенты принадлежат «Неограниченным услугам».

— В самом деле? — удивился Бьюмон. — Доктор О'Нейл придерживается иного мнения.

— Доктор О'Нейл заблуждается. В самом-то деле, мистер Бьюмон, вы, фигурально выражаясь, заказали нам пушку, чтобы убить комара. Неужели вы всерьез считаете, что мы, бизнесмены, после одного выстрела выбросим пушку на свалку?

— Нет, пожалуй. Каковы ваши планы?

— Коммерческое использование гравитационного модулятора. Подозреваю, что мы получим неплохую цену за соответствующую модификацию этой машины, скажем, на Марсе.

— Да, конечно. Это было бы вполне реально. Но я буду до конца откровенен с вами, мистер Клер: скорее всего у вас ничего не выйдет. В интересах Земли использование изобретения доктора О'Нейла должно быть ограничено только этой планетой. По-видимому, администрация сочтет необходимым вмешаться и распространение модулятора станет правительственной монополией.

— А как вы утихомирите О'Нейла?

— Ввиду изменившихся обстоятельств, откровенно говоря, не знаю. У вас есть какие-то предложения?

— Корпорация, где он будет президентом и обладателем значительной части акций. Кто-нибудь из наших многообещающих молодых сотрудников станет председателем совета директоров. — Клер подумал о Карсоне, потом добавил, наблюдая за реакцией Бьюмона: — Акции будет достаточно много.

Бьюмон проигнорировал приманку.

— И надо полагать, корпорация будет работать по контракту с правительством, ее единственным клиентом?

— Что-то в этом духе.

— Что ж, пожалуй, логично. Может быть, мне стоит переговорить с доктором О'Нейлом?

— Прошу вас.

Бьюмон связался с О'Нейлом, и, когда тот появился на экране, завел разговор вполголоса. Вернее, вполголоса говорил только Бьюмон, сам О'Нейл кричал так, что едва выдерживал микрофон. Клер тем временем пригласил Фрэнсиса и Грейс и объяснил им, что происходит.

Наконец Бьюмон повернулся к ним лицом:

— Доктор желает поговорить с вами, мистер Клер.

— Что это за чушь, собачья, которую мне пришлось тут выслушивать, сэр? — спросил О'Нейл, смерив Клера холодным взглядом. — Как понимать ваши слова о том, что эффект О'Нейла принадлежит компании?

— Это оговорено в вашем контракте, доктор. Вы разве не помните?

— Не помню? Я даже читал эту дурацкую бумагу. Но предупреждаю: я потащу вас в суд, и разбирательство затянется на долгие годы. Я не позволю так себя дурачить!

— Подождите, доктор, — успокаивающе произнес Клер. — Мы не собираемся пользоваться преимуществом, предоставленным нам всего лишь юридической формальностью, и никто не оспаривает ваши права. Позвольте мне обрисовать, что я имею в виду... — И он вкратце изложил ему свою идею корпорации.

О'Нейл внимательно дослушал, но лицо его по-прежнему хранило неумолимое выражение.

— Меня это не интересует, — сказал он резко. — Я скорее передам все свои права правительству.

— Я не упомянул еще одно условие, — добавил Клер.

— И можете не беспокоиться.

— Видимо, все же придется. Это будет скорее джен-тльменское соглашение, но оно очень важно. У вас хранится «Цветок забвения»...

— Что значит «хранится»? — мгновенно насторожился О'Нейл. — Это моя собственность. Моя. Понятно?

— Согласен, — сказал Клер. — Однако мы делаем уступку в отношении подписанного вами контракта и хотим кое-что взамен.

— Что именно? — Упоминание о «Цветке забвения» сразу поубавило О'Нейлу самоуверенности.

— Вы остаетесь владельцем «Цветка», но должны пообещать, что я, мистер Фрэнсис и мисс Кормет имеем право появляться иногда у вас, чтобы взглянуть на ваше

приобретение. Возможно, это будет случаться довольно часто.

О'Нейл даже оторопел.

— Вы хотите сказать, что будете просто смотреть на «Цветок»?

— Да, именно.

— Просто смотреть и наслаждаться?

— Совершенно верно.

Теперь О'Нейл взглянул на него по-новому, с уважением.

— Я не оценил вас раньше, мистер Клер. Приношу свои извинения. А насчет этой корпорации... Поступайте как знаете. Мне все равно. Вы, мистер Фрэнсис и мисс Кормет можете появляться и смотреть на «Цветок», когда пожелаете. Даю слово.

— Спасибо, доктор. От нас от всех, — сказал Клер, быстро — насколько это было возможно, чтобы не показаться невежливым, — распрощался и отключил экран.

Когда Бьюмон заговорил, в его голосе тоже чувствовалось гораздо больше уважения:

— В следующий раз я, по-видимому, просто не стану вмешиваться в подобные дела: вы справляетесь с ними гораздо лучше. Ну а сейчас мне пора прощаться. До свидания, джентльмены, до свидания, мисс Кормет.

Он вышел, дверь за ним опустилась на место, и Грейс сказала:

— Похоже, дело сделано.

— Да, — откликнулся Клер. — Мы «вывели его собаку погулять». О'Нейл получил, о чем мечтал. Бьюмон — тоже, и даже сверх того.

— Но что именно ему нужно?

— Не знаю, но подозреваю, что он хочет стать первым президентом Федеративной Солнечной Системы, если таковая когда-нибудь образуется. С нашими козырными картами у него есть шанс. Вы представляете себе потенциальные возможности эффекта О'Нейла?

— Смутно, — сказал Фрэнсис.

— А ты думал, например, какую революцию он произведет в космонавигации? Или о широчайших возможностях колонизации новых планет, которые он откроет? Или хотя бы об использовании эффекта в индустрии развлечений? В одной только этой области он сулит несметные богатства.

— А что получим с него конкретно мы?

— Как что? Деньги, старина. Горы денег. Когда даешь людям то, что они хотят, это всегда прибыльно, — сказал Клер, поднимая взгляд на эмблему компании с изображением шотландской овчарки.

— Деньги... — повторил Фрэнсис. — Да, видимо.

— И плюс к тому, — добавила Грейс, — мы всегда можем съездить посмотреть на «Цветок».

Курт Сайодмак (США)

ЦЕЛЕБНАЯ СИЛА ГРЕХА

Этот нимб Арт Браун увидел впервые в римской гостинице «Квиринале» в восемь часов утра. Он как раз брился в крохотной ванной, прилегавшей к спальне. Его жена Эни все еще спала. Так уж, видимо, заведено в природе: мужчинам, которые вскакивают ни свет ни заря, непременно достаются жены, любящие всласть поспать.

От жаркого солнца ванная нагрелась. В зеркале Арт видел не только два купола церкви Санта-Тринита-дель-Монте, но и этот нимб, дюймов двенадцать в диаметре и с полдюйма в ширину. От него исходило золотистое сияние. Арт было подумал, что это солнечные блики, отраженные от какой-то блестящей поверхности, однако никаких таких поверхностей в ванной комнате с ее поблекшим мрамором ванны, тусклым кафелем и старыми изношенными половицами, не оказалось.

Это жуткое свечение колыхалось в четырех дюймах над его головой, но Арт, не испытывая ни малейшей тревоги, спокойно добрился. Из окна ему был виден целый лес дымовых труб самых причудливых очертаний, крошечные садики на крышах с чахлой растительностью и громадные косые скаты стеклянных крыш, ослепительно сверкавшие на солнце. Откуда-то оттуда, наверное, и отражался этот лучезарный венец, примостившийся над Артом в воздухе.

Арт пододвинулся поближе к зеркалу. К его удивлению, светящееся кольцо не осталось на месте, а тоже двинулось вместе с ним. Когда же Арт слегка запрокинул голову, оно очень напоминало золотой нимб, какие можно увидеть на статуях святых, они обычно крепятся к голове железными прутьями. Арт взмахнул рукой, как бы отгоняя эту мишуру, но рука лишь прошла сквозь кольцо, и все.

Весь затрепетав, но сохраняя внешнее спокойствие, Арт прошел в спальню — надо спросить жену, есть на нем нимб или нет.

Энн накрыла голову подушкой на гусином пуху, заглушая таким образом шум, доносившийся сюда с виа Бокка-ди-Леоне и виа Кондотти и сравнимый разве что с ревом мощного водопада.

— Энн! — Арт слегка потянул ее за палец ноги. Ведь когда касаешься спящего в самой отдаленной от сердца точке тела, это его не пугает. Нечто вроде физического будильника.

— Какой час? — Энн подобрала ногу.

— По-моему, у меня появился нимб, — заявил Арт. Ему было видно, как ободок света у него над головой отражается в высоком зеркале на дверце платяного шкафа.

— У тебя ч т о? — спросила Энн. Ей очень не хотелось вставать.

— Какой-то светлый ободок вокруг головы, — сказал Арт. — Нимб.

— А чего ж ты хотел — столько таскаться по этим церквам, — не открывая глаз, ответила Энн. — Я спросила, который час.

— И не исчезает, — пожаловался Арт, ударяясь в панику. — У меня в самом деле нимб или мне только кажется?

Энн со вздохом стащила подушку с головы и, разомкнув веки, принялась разглядывать трещины на потолке.

— Нет-ты ли мне обещал, что в этой поездке я буду спать, сколько захочу. Хоть раз в жизни! Но нет!

Арт к месту прирос, разглядывая в зеркале отражение нимба. Паника захлестывала его, как вода в половодье.

— Что это за штуковина у тебя над головой? — Энн вдруг окончательно проснулась. — Нимб, что ли?

— Ты его, значит, тоже видишь? — Арту показалось, что чьи-то холодные пальцы железной хваткой сомкнулись у него на горле.

— Вижу. А ну-ка, сядь. Я его сейчас поймаю. — Энн соскочила с кровати, схватила подушку и опустила ее на голову мужа, после чего принялась шарить под подушкой, пытаясь нащупать это светлое колечко, но вытащить ничего не вытащила. Арт с тревогой следил за ее действиями в зеркале.

— Господи Боже мой! — взвыл он. — Я же не святой!

— То, что у тебя на голове, к святости не имеет никакого отношения, — сказала Энн. — Ты, наверное, подцепил эту штуковину в какой-нибудь церкви. Почему нам знать, какие они там поразвели микробы!

— Нет, ты подумай, разве я могу вернуться с этим нимбом домой? — спросил Арт, выдавая все свои страхи.

— Мы же американские граждане, разве нет?

— Разумеется, — отвечал Арт. — Но мне-то что с того?

— Что полагается делать американцу, когда он в чужой стране попадает в беду? Обратиться за помощью к своему консулу.

— А американский консул снимет с него нимб! — съязвил Арт, давая выход своему отчаянию.

— Консулу, вероятно, не впервой сталкиваться с проблемами, вроде твоей. Мы приехали сюда с чистым сердцем, оставляем здесь настоящие американские доллары, и мы просто не потерпим от этих итальяшек подобного к нам отношения!

— Я уверен, избавить меня от него мог бы Папа.

— В таком случае, — решительно заявила Энн, — консулу придется обратиться к Папе. Тебе ведь не больно, правда?

— Да нет, — отвечал Арт. — Свет-то холодный. Интересно, а не отмоется ли он под душем?

— Ты попробуй, а я тем временем оденусь, — сказала Энн, натягивая свое белое платье, в котором казалась чуть ли не девушкой.

После водяных струй нимб засиял пуще прежнего.

— Как же я в таком виде появлюсь на людях! — крикнул Арт из ванной и, как побитая собака, вернулся к Энн.

— Надень шляпу, — предложила Энн. — И не снимай.

Вокруг ободка шляпы тоже появилось бледное свечение, но его можно было лишь разглядеть, когда знаешь, куда смотреть и что именно искать.

* * *

Уличный шум окутал Арта, будто одеялом. В римском воздухе плясали волны жара. Арт чувствовал себя как меченый. С простудой или любой другой «приличной» болезнью его недуг не имел ничего общего, в нем было что-то

неведомое, и, как и все неведомое, он внушал ужас. Арт на мгновение приподнял шляпу.

— На солнце его видно? — спросил он.

Именно в этот миг из отеля «Квиринале» вышел со своей супругой Флоренс Бен Шварц. Арт тут же опустил шляпу.

— Могу поклясться, — воскликнула Флоренс, — что видела нимб над вашей головой. И Бен видел!

Бен Шварц попытался заглянуть под шляпу Арта, но тот отступил в сторонку, чтобы Бен не смог дотянуться до него.

— Да я и сам Энн об этом же толкую, я теперь вроде ангела! — Арту удалось засмеяться.

— У вас вокруг головы было светлое кольцо, — сказал Бен. Уж мне ли не распознать электрическое сияние!

Арт как сумасшедший замахал руками, подзывая такси, которое тут же остановилось. Он юркнул в машину, Энн — за ним.

— Американское консульство! — крикнул Арт, и такси тронулось, оставив озадаченных Бена и Флоренс ни с чем.

* * *

Гарри Макуильямс, вице-консул, смерил взглядом двух американских туристов, сидевших напротив него в просторной приемной, и сразу же понял, с кем имеет дело: средние американцы, жена еще хорошенькая, а муж — зануда, даже шляпу не снял. Надо держаться с ними с холодной учтивостью и поскорее спровадить.

— Вам, наверное, неудобно? — дипломатично спросил вице-консул, едва заметным жестом указывая на шляпу Арта.

— Еще как! — согласился Арт. — Но я вынужден оставаться в шляпе.

Макуильямс оторопел. Может, человек болен и прикрывает свою заразу шляпой? Положив палец на кнопку селектора, чтобы в случае надобности позвать на помощь, вице-консул осведомился:

— А почему, позвольте спросить?

Арт неторопливо стащил шляпу с головы.

— Что это?! — спросил Макуильямс, вконец перепуганный при виде сверкающего над головой Арта кольца.

— Это уж вы мне скажите, — отвечал Арт.

Макуильямс, как зачарованный, встал и подошел поближе, чтобы полюбоваться этой загадочной иллюминацией.

— Как вы это делаете?

— Да ничего я не делаю, — отозвался Арт. — Он появился у меня, и все.

— Похоже на нимб.

— Нимб и есть, — отвечал Арт. Его подозрение, что данное любопытное явление вице-консулу совершенно незнакомо, подтвердилось.

Макуильямс попытался было потрогать нимб, но тот не обладал никакой материальной основой.

— Прелесть! — воскликнул Макуильямс.

— Вам хорошо это говорить, а каково мне! — возразил Арт, теряя самообладание.

— О небо, и как же это произошло?

— Небо тут ни при чем, я подцепил его в Риме! — отчаяние Арта сменялось гневом. — Мы американские граждане. Нам нужна помощь. Ваша обязанность подсказать нам, что нам делать.

— Такого у нас еще не бывало, — сказал Макуильямс, а про себя подумал: «Человек с нимбом! Возможно, Государственный департамент пожелает послать его в составе миссии мира в Россию или в Китай?»

— Энн считает, что я подцепил его в одной из местных церквей.

— Похоже на то, — подтвердила Энн. — У всех этих статуй святых нимбы. Вот один из них, наверное, и прицепился к Арту.

Почувствовав, как тает важность его собственной персоны, Макуильямс быстро нажал кнопку селектора:

— Хелен, попросите доктора Коллини немедленно зайти ко мне в кабинет. — Он повернулся к посетителям: — Доктор Коллини — наш врач, проживающий при консульстве. Ваша проблема, по-моему, имеет отношение к медицине. Он итальянец и наверняка знает, как поступать с нимбом.

— Нам нужно поскорее избавиться от этой штуки, — сказал Арт. — В воскресенье мы улетаем. Она хуже кори — может, даже заразная.

Вице-консул живо отодвинулся со стулом к стене и натянуто засмеялся:

— Будем надеяться, что нет. Представьте себе сотрудников консульства, шеголяющих в нимбах!

Вошел доктор Коллини — ни дать ни взять итальянский актер.

— Мистер Браун из Нью-Йорка, — представил Арта Макуильямс. — Он только что обнаружил у себя нимб. Вернуться домой в таком состоянии он, разумеется, не может. Вам знакомы подобные случаи?

Краска сошла с лица доктора Коллини.

— Чудо! — пробормотал он заикаясь.

— Ах, оставьте! — взорвался Арт. — В чудеса я не верю, я не католик. Это какой-то вирус, микроб, который я подхватил в этом городе. Там, откуда я прибыл, вы никогда не увидите человека с нимбом над головой.

Охваченный благоговейным трепетом, доктор Коллини даже не слушал его.

— Самое настоящее чудо! Я счастлив, что лицезрею его! Счастлив! — Шагнув к Арту, он простер длинную руку с тонкими пальцами. — Проблема эта не медицинского порядка, синьор.

— А я что говорил, — осторожно сказал Арт. — Но вы можете представить себе, как я заявляюсь с нимбом на Бродвее?

Макуильямс тут же нарисовал эту занятую картину:

— Да никто в вас даже вглядываться не станет! Мало ли странных людей шатается по Бродвею? И никто не обращает на них внимания.

— Мы предъявим иск правительству Италии, — заявила Энн. — Как теперь, с нимбом, Арт вернется на работу в «Эдисон компани»?

— «Эдисон компани», — теряя всякую надежду, повторил Макуильямс. — Она могла бы использовать вашего мужа для рекламы выпускаемой ею продукции. Ведь эта штукавина, похоже, электрического происхождения.

Доктор Коллини уже оправился от потрясения и вновь обрел способность трезво мыслить:

— Я нашел ключ к разгадке этой проблемы. Если нимб у синьора — божественное проявление, он наверняка исчезнет, стоит только синьору сделать что-нибудь плохое.

— Плохое? — подозрительно спросила Энн. — Что вы хотите этим сказать?

— Ну, согрешить, — пояснил доктор Коллини. — Впасть в один из семи смертных грехов.

— Я и названий-то их не знаю, — признался Арт.

— Алчность, леность, вожделение, гордыня, зависть, чревоугодие и гнев. Какой-нибудь да поможет.

Совет доктора показался Арту не лишенным смысла.

* * *

Вернувшись в свой номер в «Квиринале», Арт дождался темноты — ночью грешить куда легче, чем днем. Когда они легли на широкую кровать, Арт протянул руку к Энн.

— Не трогай меня! — завопила Энн. — Только не с нимбом! Ты что, спятил? — Она опустила ноги на пол, чтобы Арт до нее не дотянулся. Нимб двинулся за нею, осветив призрачным светом лицо Арта.

— Но это же грех! Согрешу, а он, глядишь, и отстанет.

— Не смей использовать меня в этих грязных целях, Арт Браун! Да и не грех это — спать с собственной женой.

— Ну что ж, не хочешь помогать — согрешу и без тебя. Пойду к проститутке! — решительно заявил Арт.

— Не посмеешь! — Энн быстро шмыгнула под одеяло.

— Почему? Бен Шварц сказал мне, что это удовольствие стоит всего десять тысяч лир, что нам вполне по карману.

— Это тебе Бен Шварц сказал? — Энн включила свет и свирепо, как кобра, уставилась на мужа.

— Он интересовался.

— Меня это страшно шокирует, — заявила Энн. — Если уж тебе непременно надо согрешить, то почему бы не начать с какого-нибудь маленького грешка?

— И что же ты предлагаешь?

— Все грехи одинаковы.

— Гордыня. Зависть. Вожделение. Леность. Чревоугодие. И гнев! — отбарабанил Арт шесть из семи смертных грехов. — Господи Боже мой, вот уже десять лет ты носишься со мной, как курица с яйцом! Диву даюсь, как это я еще дышу без твоего разрешения! Я давно не младенец и могу сам за себя решать!

Он вскочил с постели и, стащив с себя пижаму, сунул ноги в брюки.

— Ну, и куда же ты пойдешь, как ты думаешь? — холодно спросила Энн, глядя, как Арт шарит руками в поисках носков.

Намеренно впадая в гнев, чтобы согрешить, Арт довел себя до белого каления.

— Пойду найду кого-нибудь, кто даст мне то, чего я не могу получить от тебя! Ты хочешь мне помешать?

— Арт Браун! Я не потерплю такого тона! — вскричала Энн, шокированная демонстрацией подобной жестокости.

— Ну что ж, попробуй остановить меня! — Арт никак не мог натянуть пуловер. Энн со вздохом встала и, вытащив его левую руку из одного рукава, направила ее в другой.

— Вот так, — с материнской терпеливостью сказала она и, сняв с вешалки пиджак мужа, протянула ему. Он вырвал пиджак у нее из рук и нахлобучил шляпу.

— Хочешь ко мне подольститься? Ничего не выйдет. Вернусь я без этого нимба, так и знай.

— Взял бы пальто, — предложила Энн. — На улице довольно холодно. Зачем мне муж, у которого из носа течет?

Арт опустил на кровать.

— Бесполезно, — с жалким видом признался он. — Гнев на меня не действует.

— Ты такой славный, что просто не сможешь стать подлецом, даже если захочешь. — Осторожно, стараясь не задеть нимб, она погладила его по волосам.

— Я думал, что разыграю все как по нотам, — со вздохом сказал Арт. — Так с какого греха начнем?

— С чревоугодия. Идем в какой-нибудь шикарный ресторан.

— Но это нам обойдется гораздо дороже, чем проститутка.

— А я ничего не буду есть, — заявила Энн. — И не думай, что впадаешь в чревоугодие, когда ешь спагетти в какой-нибудь дешевой закуской!

* * *

Ресторан «Тре Скалини» рекомендовал Арту Бен Шварц. Там была терраса, и Арт мог сидеть на солнышке, не снимая шляпы. Ресторан находился на пьядца Навоне,

красивой площади с фонтаном из четырех фигур, изображавших речные божества. Арт заглянул в меню.

— А не предпочтут ли синьор и синьора столик в тени? — предложил официант, говоривший по-английски, как говорят итальянцы в Нью-Йорке. — Очень уж жаркое солнце.

— Потому-то я и прилетел в Италию, — отпарировал Арт, натягивая шляпу пониже. — Принесите мне «феттучине алла миланезе». Готов спорить, это лапша в мясном соусе.

— Верно, — согласился официант, — но как приготовлено!

— Ну что ж. Ну а потом... — и Арт назвал еще несколько лакомых блюд.

— Синьора разделит заказанное с синьором?

— Я?! — отозвалась Энн. У нее уже слюнки текли. — У меня легкое несварение, ничего в рот не лезет.

— Perfetto! — сказал официант, скрывая удивление: ведь заказа Арта вполне хватило бы на семью из четырех человек. — Тогда, если синьора позволит, могу предложить от несварения «пиччикончино кон фунги».

— Ничего не надо! — резче, чем хотела, сказала Энн. Разговоры о еде отнюдь не поднимали ее настроения.

— Вино? — Официант привык к женщинам, стремившимся похудеть и готовым ради этого на все.

— Давайте и вино. — Нимб вконец лишил Арта аппетита, но если Арт напьется, может, и аппетит появится.

— Сколько же все это стоит? — спросила Энн, когда официант ушел. — Обед обойдется нам в целое состояние!

— А я что говорил? Гораздо дешевле было бы...

— Я не желаю обсуждать этот вопрос! — отрезала Энн. Она уже ненавидела и Арта, и Рим, и ресторан «Тре Скалини», и муки голода.

Официант подал первое блюдо и вино:

— А если чревоугодие не сработает? — спросил Арт, чувствуя, как оливковое масло проходит по горлу в пищевод.

— После таких затрат? — мрачно сказала Энн. — Должно сработать.

— Я мог бы попытаться счастья и с завистью, — сказал Арт, блуждая глазами по обнаженным дамским плечам.

— А я ничуть не завидую тому, что ты обжираться, — сказала Энн, уже не в силах бороться с разыгравшимся аппетитом.

— Да я не о тебе. — Арт так и пожирал взглядом одну молоденькую женщину с темными, кокетливыми глазками. — Просто подумал, а нельзя ли немного сэкономить.

— Тут я с тобой, — с надеждой сказала Энн.

— Зависть — смертный грех, правда? Если я кому-нибудь позавидую — скажем, вон тому кинорежиссеру, — разве я не согрешу?

— Поменьше пей и выражайся яснее, — сказала Энн, глядя, как Арт наполняет свой бокал. — Откуда ты знаешь, что он кинорежиссер?

— Это наверняка Феллини, Висконти или Антониони. Он может выбирать самых красивых женщин. Ты только посмотри вон на тех трех! Небесные создания!

— Перестань на них таращиться, это неприлично, — сказала Энн, испытав укол ревности.

— Представляешь — три сразу!

— Ты мне противен!

— Я прямо лопаюсь от зависти, — признался Арт.

— А я подумываю о разводе, — Энн отодвинулась вместе со стулом, будто собиралась немедленно отправиться к адвокату по бракоразводным делам.

— Я лишь пытаюсь разжечь в себе зависть, — горестно сознался Арт и повернулся к очередному блюду. — Съешь кусочек цыпленка, а? Меня уже воротит от одного его вида.

— Ты заказывал — ты и ешь! — приказала Энн, хотя тонкий аромат цыпленка с травами причинял ей танталовы муки.

— С меня довольно! — Арт швырнул салфетку на стол, встал, прошел в зал, который был пуст, если не считать одной парочки в темном углу, и открыл дверь с нарисованным на ней силуэтом мужчины. Там никого не было. Отпустив ремень на пару дырок, чтобы страдальцу-желудку было свободнее, Арт снял шляпу и осмотрел себя в зеркале над умывальником.

Нимб светился у него над головой в полную силу. Обжорство ничего не дало. Арт в отчаянии замахал над головой руками и принялся подпрыгивать в безумном танце. Потом вдруг раздался шум спускаемой воды, и не ус-

пел еще Арт снова натянуть шляпу, как из кабинки вышел Бен Шварц.

— Будь я проклят, — вымолвил он наконец.

— А я уже проклят, — отвечал Арт. — Только не спрашивайте, откуда он у меня взялся.

— Уму непостижимо, — сказал Бен, подступая поближе к ореолу.

— Скажите что-нибудь посвежее, — Арт обрадовался, что нашел человека, которому можно рассказать о своем горе.

— Электричество тут ни при чем, но почему же тогда эта хреновина светится? Наверное, какая-то эманация из мозга.

— Диагноз мне не нужен, мне нужно лекарство, — сказал Арт. — Я уже перепробовал несколько смертных грехов, все без толку.

— Какие именно? — спросил Бен, не в силах оторвать глаз от слабого свечения вокруг шляпы Арта.

— Попробовал впасть в гнев — наорал на бедняжку Энн; попытался предаться чревоугодию — меня тошнит; увидел того парня с красотками — решил ему завидовать. И все ради того только, чтобы избавиться от этой хреновины. Однако ничего не помогает. Итак, что же остается? Лениость? Но я ленив от природы. Гордыня? А с чем ее едят?

— Беда в том, что вы неискренни в своем грехопадении. Естественно, ничего не выйдет! Надо грешить со вкусом, чтобы получить от греха настоящее удовольствие.

— И что же вы предлагаете?

— Заведите себе даму, измените жене.

— Мы с Энн уже толковали об этом. Она этого не переживет, все глаза заплачет.

— А-а, ерунда, ну, поплачет чуток. Позвольте мне помочь вам.

— В самом деле? — спросил Арт. Надежда захлестнула его, как захлестывает больного какая-нибудь мания.

— У меня есть адреса.

— Я никогда не обманывал Энн. Никогда.

— Тогда вы в идеальном положении.

— Но как мне убедить Энн? — спросил Арт, чувствуя, что в такой ситуации ему одному не управиться.

— А так прямо и скажите! От этого грех станет еще грешнее, — присоветовал Бен. — Я зайду за вами в семь

и отвезу в «Интернэшнл хаус». Там говорят по-английски!

* * *

— Нет, право, мне как-то даже противно, — сказал Арт, сидя в большой ванной.

— Ради нашего же блага, дорогой, — храбро ответила Энн, хотя в ее голосе слышались слезы, и протянула Арту полотенце.

— Обещаю все время думать о тебе.

Ровно в семь в дверь постучал Бен.

— Жертва готова? — спросил он.

— Я прямо как дура, — сдавленным от невыплаканных слез голосом сказала Энн.

— А я — как дурак, — поспешил добавить Арт, хотя само это предприятие уже не вызывало у него чувства омерзения. Он попытался было обнять Энн, но та оттолкнула его, убежала в ванную и заперла дверь.

— Ну, это ты уж слишком, — крикнул Арт. — Какое же у меня будет настроение после твоих глупых выходов?

Зато Бен, подмигнув Арту, поташил его из комнаты. Стоял приятный теплый вечер. Дневной смог улегся, вышли звезды.

Дом на виа Граццини оказался старинным аристократическим особняком. Дверь открыла девушка в черном платье и белом переднике. Холл был приятно обставлен старинной мебелью, в громадной мраморной вазе — свежие цветы. Из холла было видно несколько дверей, наверх шла лестница.

— Мадам сейчас вас примет, — сказала хорошенькая служанка и взяла у Бена шляпу. Памятуя о нимбе, Арт свою даже не снял. Служанка провела их в комнату, освещенную хрустальными канделябрами. На окнах висели тяжелые портьеры, стулья и кушетка были обтянуты шелком.

— Заведение, видать, не из дешевых, — заметил Арт. Он почувствовал какую-то тяжесть в груди, как будто сидел в кабинете врача в ожидании операции.

Вошла мадам, сорока с лишним лет, приятно полная. Платье с низким вырезом, кожа на груди залита пышным румянцем.

— Добрый вечер, синьоры, — сказала она с улыбкой, от которой все тревоги Арта тут же рассеялись, и взглянула на его шляпу.

— Я не люблю снимать шляпу, — поспешил объяснить Арт.

— Никаких объяснений, синьоры. Сюда как-то пришел клиент в рыцарских доспехах, и я не задала ему ни одного вопроса. В нашем доме правило: каждый делает, что хочет.

Вошла служанка с бутылкой шампанского и тремя бокалами.

— Сколько? — настороженно спросил Арт: он был наслышан о том, что в таких заведениях с людьми сдирают целые состояния.

— Это за счет заведения, — ласково ответила мадам. — Сейчас я по очереди позову девочек, они вам представятся. Поговорите с ними, они прекрасные собеседницы. Потом я вернусь, и вы скажете, кого выбрали.

Она наполнила бокалы, произнесла тост за гостей и ушла.

В комнату вошла пышнотелая девушка и сделала книксен.

— Меня зовут Исолина, — представилась она. — Я из Сицилии. Вы в нашем городе в гостях?

— Туристы, — ответил Бен.

— Не забудьте бросить монетку в фонтан Треви, тогда вы наверняка снова вернетесь в Рим. И, пожалуйста, попросите Исолину.

Она снова сделала книксен и ушла.

Появилась другая девушка, длинная и худая.

— Меня зовут Серафина. Я из Милана. Вы в Риме в гостях?

— Туристы, — ответил Бен.

— Не забудьте бросить монетку в фонтан Треви, тогда вы наверняка снова вернетесь в Рим. И, пожалуйста, попросите Серафину.

После ее ухода Бен наполнил бокал.

— Кожа да кости, — заметил он. — Я писывал и на лучшей бумаге.

Вошла молоденькая смуглянка с голубыми тенями под глазами.

— Меня зовут Фатима. Я из Марокко. Вы в Риме в гостях?

— Туристы, — ответил Бен.

— Не забудьте бросить монетку в фонтан Треви, тогда вы наверняка снова вернетесь в Рим. И, пожалуйста, попросите Фатиму.

После ее ухода вернулась мадам.

— Приношу свои извинения, — поднимая бокал, сказала она. — Почти все мои девушки сейчас заняты. Но, надеюсь, вы сделали выбор?

— Они... так молоды... — сказал Арт, охваченный вдруг какой-то непреодолимой робостью.

— Молодость — это состояние, в которое время вносит свои поправки, — философски заметила мадам. — Если же вам по вкусу более зрелые женщины, могу сообщить, что и я доступна.

— Вы мне льстите, — пробормотал Арт.

Мадам тут же завладела инициативой.

— Это вы мне льстите — ведь вы предпочли меня всем этим молоденьким девчонкам. — Она встала, и Арт машинально вскочил на ноги. Мягкие руки обвились вокруг него, и он ощутил себя Лаокооном, статую которого видел в Ватикане.

— А чем я могу быть полезна вам? — мадам улыбнулась Бену, не отпуская Арта. — Может, кликнуть Серафину?

— Для меня?! — воскликнул тот, и Арт сразу понял, что его приятель тоже трус. — Мне неплохо и с этой бутылкой, право.

— Ну что ж. А почувствуете себя одиноко, позвоните в колокольчик, — сказала мадам.

Мадам повела Арта наверх мимо таинственных закрытых дверей. Его пугала тишина. Мадам распахнула дверь в комнату, почти целиком занятую огромной кроватью, на стенах зеркала, красная лампа отбрасывает рассеянный свет. Арт юркнул в кресло у стены, натянув шляпу пониже.

— Женатые мужчины нередко тушуются, — заметила мадам.

— Откуда вы знаете, что я женат? — удивился Арт.

— По маленькой вмятинке на вашем безымянном пальце! Вы сняли обручальное кольцо и спрятали его, как делают все порядочные мужья. Мои посетители — люди большей частью женатые, но ведь мужчину не удержишь в клетке, как птичку.

— Не в этом дело, — возразил Арт, снова надевая обручальное кольцо.

— Тогда, может, причина вашей робости у вас под шляпой? — поинтересовалась мадам. — Вы плешивы? Лично мне лысые мужчины кажутся весьма привлекательными.

Резким движением руки она сорвала с Арта шляпу. Нимб засиял, как неоновая реклама.

— Святой! — взвизгнула мадам, проворно бухнувшись на колени и прикрывая подушкой бюст.

— Встаньте, — сказал Арт, пришедший в ужас при столь неожиданной реакции мадам. — Вы даже не дали мне объяснить.

— Святое пришествие! — мадам, выпучив глаза, неотрывно смотрела на сияние. — Посланник божий! В моем доме! С нимбом!

— Я хочу от него отделаться! — Арт в отчаянии схватил ее за покатые плечи: сейчас или никогда.

Но мадам стала отбиваться с неожиданной силой.

— Святой! Это искушение! Искушение! Не надо! Никогда больше не согрешу, клянусь! — Она поползла прочь от своего искусителя.

— Но только так я могу избавиться от нимба!

— Искушение! Посланец с небес! Обещаю навсегда прикрыть свое заведение! — Мадам в ужасе распахнула дверь.

Арт увидел с десятков обращенных к нему лиц. Встревоженные воплями мадам, девушки и их клиенты высыпали из комнат кто в чем был.

— Постригусь в монахини и стану замаливать свои грехи!

Арт никак не мог отыскать шляпу. Сбитый с толку, он с трудом протолкался мимо коленопреклоненных тел. В глазах у него потемнело.

— Девочки! — доносились до него причитания мадам. — Никогда больше не грешите! Никогда!

— Бен! Бен Шварц! — крикнул он, стрелой спускаясь по лестнице к выходу. Перед взором промелькнула перепуганная физиономия Бена. Какая-то девушка вцепилась в ногу Арта, он отдернул ногу, и сразу же в ушах заходили эхом дикие вопли.

Выбежав на улицу, он что было духу пустился по виа Граццини. Сердце у него чуть не выскочило из грудной

клетки, и он остановился у небольшого фонтана. Ноги у него подкосились, и он повалился на бордюр, окаймлявший маленький бассейн. Он ускользнул от обезумевшей толпы, которая вполне могла разделаться с ним, но бегать по городу с нимбом тоже никуда не годится. Как жаль, что у него нет шляпы!

Вдруг он увидел на темной дорожке, оканчивающейся у фонтана, какую-то темную фигурку. Он слишком устал, и у него уже не было сил бежать. Да и куда бежать-то? Куда бы он ни пошел, он обречен таскать с собой свое проклятие.

Это оказался Бен Шварц. Без единого слова Бен уселся рядом.

— Человеке, — сказал он наконец, — по-моему, вы пробежали милью за четыре минуты. Мировой рекорд!

— Что мне делать? — прошептал Арт. Он так запыхался, что ему было больно дышать. — Ну как мне от него избавиться?

— За деревьями мы не видим леса, — сказал Бен. — Зачем вообще избавляться от нимба, если на нем можно сделать пару миллионов долларов?

— Один из нас, должно быть, спятил. Кажется, вы.

— Я бизнесмен. Представьте себе большущий балаган, в котором сидите вы и две тысячи зрителей, заплативших по два доллара за право посмотреть на самого настоящего святого. Сеанс — двадцать минут. Восемь тысяч долларов в час! Шестьдесят тысяч в день! А еще можно давать вас напрокат религиозным общинам или выставлять напоказ в церквях всего мира! Неужели вы не понимаете, что таскаете на голове не просто нимб, а миллионы хрустящих долларовых бумажек?

— Тогда мне бы пришлось бросить работу в «Эдисон компани».

— Это за миллион-то? — спросил Бен. — Да мы посадим вас на золотой трон, а за вашей спиной поставим красивых девушек, одетых под ангелов!

— Согласен, эта штука и впрямь может принести целое состояние, — признал Арт.

— Поскольку идею подбросил я, — вкрадчиво заговорил Бен, — мне тоже полагается доля.

— Двадцать процентов, — предложил Арт.

— Тридцать три, и все заботы о постановке дела и рекламе я беру на себя. Вам нужен менеджер.

— Тридцать три процента?! — возразил Арт. — Это же триста тридцать три тысячи долларов с каждого миллиона! Нет, не могу!

— Арт! — воскликнул потрясенный Бен.

— Не больше двадцати семи с половиной! И не пытайся оказать на меня давление — это мое последнее слово!

— Арт, нимб исчез! — в тревоге сказал Бен. — И следа не осталось!

Арт посмотрел вверх, туда, где обычно виднелось бледное сияние, но увидел лишь звезды.

— Это ужасно! — ахнул он. — Как раз когда мы только собрались разбогатеть!

— Как же это, а? — спросил Бен. — Наверное, исчерпал свой запас энергии.

— Нет. — До Арта вдруг дошло. — Я совершил смертный грех. Алчность! Я и впрямь жаждал этих денег. Во все же другие грехи впадал без истинного убеждения.

— Вы все загубили своей жадностью! Надо было держать себя в руках!

— Зато мне теперь гораздо лучше. — Арт с облегчением вздохнул полной грудью. — То-то Энн обрадуется!

Когда Арт вошел в свой номер в гостинице, Энн лежала в постели с мутными от горьких слез глазами.

— Все! — гордо объявил Арт и покрасовался перед женой. — Я таки избавился от него. Ну и дельце вышло!

— Ты впал в грех прелюбодеяния, — отвечала Энн, у которой было время, чтобы все обдумать, — и это ты называешь «дельцем»?

— Да, но оно не помогло! — сказал Арт.

— Я уверена, ты буквально упивался каждым мгновением. — Горечь Энн сменялась вскипающей в ней яростью, слез уже не было.

— Не бойся, до этого не дошло, — возразил Арт, не зная даже, как бы ее убедить. Он попытался обнять ее. — Ты что, не веришь мне?

— Не прикасайся ко мне! — взвизгнула Энн и попятилась к ванной, которая уже один раз послужила ей убежищем.

— Шварц предложил нажиться на нимбе, — в гневе сказал Арт, — и мне понравилась эта идея. Вот когда я согрешил по-настоящему, впад в алчность. И нимба как не бывало!

— Складно у тебя получается, — прошипела Энн. — Лучше бы уж он у тебя остался, этот нимб!

— Я тоже так считаю, — ответил Арт, думая о миллионах.

От слез у Энн совсем пропал голос, и она заперлась в ванной.

— Открой! — Арт постучал в дверь.

— Оставь меня в покое, и видеть тебя не желаю! — вскричала Энн.

— Мы уже десять лет женаты, а ты мне по-прежнему не доверяешь, — сказал Арт исполненным искренней горечи голосом и юркнул в постель, еще хранившую тепло жены. Услышав, что дверь ванной открылась, он быстро закрыл глаза.

— Арт, — позвала Энн, — я же знаю, что ты не спишь. — Не дождавшись ответа, она забралась под одеяло и прильнула к мужу. — Арт, я все обдумала. Худо ли это, хорошо ли, но я — твоя жена. Чтобы там ни случилось сегодня, я все равно тебя люблю. Я тебя прощаю, и ты, пожалуйста, тоже меня прости.

Арт тут же сел на постели и заключил жену в объятия. Он хотел ее поцеловать, но, подавшись к ней, так и застыл на месте. Потрясенный, он указал на зеркало.

Там отражался нимб, золотой ободок который парил над головой Энн.

Теодор Томас (США)

ЦЕЛИТЕЛЬ

Гант открыл глаза, и на мгновение ему показалось, что он снова у себя дома в Пенсильвании. Он сел рывком, обвел пещеру затравленным взглядом и только тут вспомнил, где находится. От его резкого движения проснулись жена и сын. Они вскочили, полусогнув ноги для прыжка, настроженные, готовые защищаться. Гант буркнул что-то успокаивающее и слез с застеленной мехом каменной платформы, которую он сам соорудил вместо кровати. Первые проблески зари просачивались в пещеру, прогоревший костер у входа едва тлел. Набрав охапку сухих веток, Гант поворошил угли и раздул огонь.

В последний раз столь яркие воспоминания о прежней жизни в том далеком мире, находящемся за полмиллиона лет отсюда, посещали его очень давно. Невольно он взглянул на стену пещеры, где на камне старательно отмечались каждые прожитые сутки. Сегодня исполнилось ровно десять лет с того дня, когда за ним закрылся люк темпоральной капсулы в Пенсильванском университете. Что он тогда сказал?.. «Естественно, я согласен. Для первого опыта врач нужен обязательно. Только медик сможет правильно оценить физиологическое влияние перемещения во времени. И, кроме того, эксперимент попадет в историю, а я тоже туда хочу...» Гант перешагнул через костер и подошел к барьеру, загораживающему выход из пещеры. Снаружи доносились чье-то тяжелое дыхание и шорох кустарника. Выходить было еще рано, и они сели у костра, поели сушеного мяса, запивая его водой из кожаного мешка, и стали ждать.

Наконец стало светлее, и ночной зверь ушел. Гант подошел к выходу, прислушался, затем отодвинул барьер и, махнув рукой жене, выбрался из пещеры. Оглядевшись, он двинулся по каменистой тропе к подножию ска-

лы. Надо бы пройти лесом и поискать что-нибудь съедобное, но это позже, на обратном пути...

В болоте, что лежало неподалеку за густыми зарослями кустарника, находился один из памятников его многочисленным неудачам. Там он пытался вырастить пенициллиновую плесень в деревянных ступках с соками всевозможных ягод. За три года он сделал сотни опытов, но все, что у него получалось, это липкая серая масса, которая начинала гнить, как только на нее попадали солнечные лучи.

Добравшись до нужной пещеры, он перекинул тяжелый каменный топор в правую руку, подал голос и только после этого зашел внутрь. Обитатели пещеры встретили его настороженными взглядами, держа оружие наготове, и он был рад, что не забыл предупредить их криком о своем приходе. Он прошел в дальний угол, не обращая больше на них внимания, и склонился над маленькой девочкой, которую хотел осмотреть еще с вечера. Она сидела на голом камне, прислонясь к стене, тяжело дышала ртом и смотрела на него бездумными глазами, почти черными на фоне пробившихся на лице светлых волос. Гант обернулся и, зарывав для острастки, схватил медвежью шкуру с постели взрослого мужчины. Завернул в нее больную девочку и, отодвинув спутанные волосы, потрогал рукой узкий лобик. Температура сорок, может быть, даже больше... Он положил ее на спину и постучал пальцем по груди. Легкие отозвались тяжелым гулким звуком. В том, что у девочки запущенная пневмония, не было никаких сомнений. Она часто хватала ртом воздух, но все равно задыхалась. Гант взял ее на руки и больше часа держал, меняя положение, чтобы ей было легче дышать. Затем он принес горсть мокрых листьев и положил ей на лоб, пытаясь хоть как-то облегчить лихорадочный жар, но помочь было уже нельзя... Еще через полчаса у девочки начались судороги.

Гант подозревал ее мать. Она склонилась над мертвой девочкой, дотронулась до лица, затем выпрямилась и взглянула беспомощно на Ганта. Он снова взял девочку на руки, вышел из пещеры и направился в лес. Чтобы деревянной палкой выкопать могилу достаточной глубины, потребовалось больше часа...

По дороге домой ему удалось убить коротконогого

толстого зверя, беспечно свесившегося с нижней ветви дерева. У обломка скалы, из-под которого вытекал маленький ручей, Гант обнаружил множество молодых ростков тростника, только-только пробившихся из мягкой, сырой земли. Он собрал, сколько мог унести в руках, и отправился к своей пещере.

Жена и Дан были дома. Когда они увидели его добычу, их лица посветлели, и жена тут же принялась разделывать зверя острым обломком камня. Дан внимательно следил за ней, то и дело наклоняясь к огню, принюхиваясь к ароматному запаху жареного мяса. Гант в который раз сравнивал короткую, крепкую, волосатую женщину у костра и своего сына. В нем он легко узнавал себя. И у жены, и у сына были массивные надбровные дуги под низким лбом, выступающие челюсти, характерные для пещерных людей, но сын рос стройнее, тоньше, и глаза у него были голубые и яркие. Он часто присаживался рядом с отцом и иногда выходил с ним из пещеры. Однажды во время грозы Гант заметил его у выхода. Не со страхом, а с любопытством и удивлением сын вглядывался в ночное небо, исполосованное молниями, и прислушивался к грому. Гант подошел и положил руку ему на плечо, пытаясь найти слова, которыми можно было бы объяснить про электрические разряды, но слов не было...

Мясо тем временем сготовилось, побеги тростника размякли, и все трое сели к огню и принялись за еду. В этот момент снаружи послышался шорох гравия. Гант вскочил, в прыжке подхватив свою дубину, и приготовился к бою. Жена с сыном скрылись в дальнем конце пещеры.

У входа появились двое мужчин. Один из них поддерживал другого за плечи, и оба были без оружия. Поняв, что у одного из них серьезная травма, Гант подошел ближе, помог ему сесть и, наклонившись, внимательно осмотрел повреждение. Нога над лодыжкой сильно распухла, кожа приобрела нездоровый цвет, ступня неестественно выгнулась, и все это напоминало сложный перелом. Гант принялся подбирать палки для шины. Человек, возможно, умрет: некому будет заботиться о нем долгие недели, необходимые, чтобы нога зажила, и некому будет охотиться для него, но надо попытаться сделать для него хоть что-то...

Он нашел две толстые шепки и несколько полосок выделанной кожи, наклонился над больным и осторожно

протянул руки, так чтобы человек мог видеть, что он собирается дотронуться до ноги. Мышцы мужчины свело от боли, и даже сквозь густые волосы было заметно, как побледнело его лицо. Гант жестом указал второму охотнику, чтобы тот встал на виду, затем взялся за сломанную ногу и начал вправлять кость. Мужчина вытерпел лишь секунду, потом взревел от боли и попытался ударить его здоровой ногой. Гант отклонился в сторону, но не успел увернуться от второго охотника. Удар пришелся в голову, он упал и выкатился из пещеры, но тут же вскочил на ноги и вернулся. Охотник стоял у входа, защищая больного, но Гант оттолкнул его и вновь опустился на колени. Кость встала на место, и он аккуратно закрепил на ноге приготовленную шину. Ослабевший, беспомощный больной уже не сопротивлялся. Гант поднялся, показал второму охотнику, как лучше нести покалеченного, и проводил их немного по тропе.

Вернувшись в пещеру, он присел к костру и принялся за еду. Мясо уже остыло, но он все равно был доволен. Сегодня они в первый раз пришли к нему за помощью! Они учатся, начинают понимать... Он рвал зубами жесткое мясо, давился тростником, но улыбался... Сегодня великий день.

Было время, когда он надеялся, что эти люди будут благодарны ему за заботу, что они будут звать его Целителем... И вот много лет спустя он без меры счастлив лишь оттого, что по крайней мере один из них пришел к нему со своей бедой. Хотя Гант уже достаточно хорошо знал их, чтобы надеяться на что-то большее. Эти люди даже понятия не имеют, что такое врачебная помощь, и когда-нибудь его просто убьют, пока он будет делать операцию.

Он вздохнул, подобрал дубинку и вышел из пещеры. Примерно в миле от него жил другой больной с большой рваной раной на левой ноге. Несколько дней назад Гант старательно вычистил рану, промыл, переложил мхом и туго забинтовал полосками кожи. Пришло время проверить больного. Озираясь и прислушиваясь к шорохам леса, он пошел напрямик через заросли. Охотник сидел у своей пещеры и обтесывал каменный обломок. Увидев Ганта, он кивнул и дружелюбно оскалился. Гант показал зубы в ответ, склонился над раной и обнаружил, что охотник снял повязку, убрал мох и растер рану птичьим пометом. Он наклонился ниже и тут же почувствовал запах

гниения. Вверху, сразу под коленом, кожа почернела, размокла и опухла. Гангрена... Гант оглянулся на остальных жителей пещеры. Попытался объяснить, что он от них хочет, но никто не обращал на него внимания. Раненый охотник был так же крепок, как и все остальные, движения его все еще сохраняли прежнюю четкость и быстроту, и проводить ампутацию в одиночку не было никакой возможности. Гант снова попробовал объяснить, что охотник умрет, если ему не помогут, но его не слушали. Он покачал головой, повернулся и пошел прочь.

Заглядывая в каждую пещеру вдоль тропы, он нашел в одной из них женщину с распухшей челюстью. Она выла от боли и почти сразу позволила ему осмотреть полость рта. Гнилой зуб он обнаружил тут же. Присев рядом с ней на корточки, Гант жестами объяснил женщине, что надо удалить зуб и что сначала будет больно, но потом будет хорошо. Женщина, казалось, поняла его. Гант нашел сучок, зачистил конец и подобрал камень потяжелее. Потом усадил женщину так, чтобы ее голова лежала у него на коленях, и, зная, что у него будет лишь одна попытка, тщательно направил сучок в десну, стараясь наверняка зацепить корень. С силой ударив камнем по сучку, он почувствовал, как больной зуб поддался, и увидел, что из распухшей десны брызнула кровь. Женщина закричала, вскочила на ноги, рванулась к Ганту. Он увернулся и отпрыгнул в сторону, но тут кто-то ударил его сзади, и он упал, прижатый к земле двумя здоровыми охотниками. Злобно рыча, один из них подобрал сучок и камень. Не раздумывая долго, они выбили Ганту передний зуб и вытолкали его из пещеры. Он скатился по склону, но быстро поднялся и кинулся обратно. Один из охотников взмахнул дубиной. Гант увернулся и ударил его по голове попавшим под руку камнем. Второй охотник бросился бежать. Сорвав пригоршню мягкого мха со стены пещеры, Гант подошел к женщине. Остановившись перед ней, он положил клочок мха на свой разбитый зуб и наклонился, показывая, что кровь уже не течет. Женщина схватила оставшийся мох из его протянутой руки и запихала в рот на место выбитого зуба, потом кивнула ему, потрогала за руку и стерла кровь с подбородка. Не оглядываясь на лежащего без сознания охотника, Гант вышел из пещеры.

Когда-нибудь они точно убьют его... Разбитая че-

люсть отзывалась болью на каждый шаг, и он направился вдоль скал домой. На сегодня хватит...

Из пещер доносился обычный шум человеческой суеты, но в одной из них кричали особенно громко. Проходя мимо, Гант подумал, что там, должно быть, делят большую добычу, и лишний кусок свежего мяса ему не помешает, но заходить не хотелось: боль и усталось были невыносимы. Крики стали громче. Он передумал и вернулся.

На полу пещеры лежал маленький мальчишка примерно такого же возраста, как Дан. При каждом вздохе он выгибался дугой, и мускулы его болезненно напрягались. Лицо у мальчишки было совсем белое. Гант протолкался сквозь толпу, опустился рядом с ним на колени и заставил открыть рот. Горло и язык у мальчишки распухли настолько сильно, что почти закрыли проход для воздуха. Гант бегло обследовал его, но не нашел ни травм, ни признаков какого-либо заболевания. Очевидно, мальчишка ел или жевал что-то, что вызвало столь острую аллергическую реакцию. Гант перевел взгляд на горло — опухоль заметно увеличилась. Необходимо было срочно проводить трахеотомию. Он бросился к костру, подобрал два камня и резким ударом один об другой разбил их на осколки. Затем выбрал короткий острый обломок и склонился над мальчишкой. Коснувшись острием гортани, он крепко сжал осколок пальцами так, чтобы торчало только полдюйма импровизированного лезвия, а затем надавил и сделал надрез. За спиной он услышал шум борьбы и краем глаза заметил, что несколько человек пытаются удержать женщину с каменным топором в руках. Очевидно, мать... Он подождал, пока ее вытолкают из пещеры, затем вернулся к операции. Осторожно повернув осколок, он раскрыл надрез в горле и положил мальчишку на бок, чтобы кровь не стекала в открывшееся отверстие. Результат проявился сразу же. Мальчишка перестал барахтаться, и в наступившей тишине ясно послышался звук ровного глубокого дыхания. Даже собравшимся вокруг пещерным людям стало понятно, что ему значительно лучше. Они подошли ближе, молча разглядывая больного, и Гант заметил на их лицах проблески интереса. Но мать мальчишки не вернулась.

С полчасца Гант удерживал осколок в нужном положении, потом мальчишка начал беспокойно ерзать, и ему

пришлось успокаивать его. Зрители вновь занялись своими делами, а Гант продолжал лечение. Наклонившись, он услышал, что воздух уже проходит через горло. Еще минут через пятнадцать опухоль совсем спала, и он убрал осколок. Мальчишка попытался было сесть, но Гант удержал его и прижал края раны пальцами. Через некоторое время кровь подсохла, и он встал. Никто не обернулся, когда он вышел.

Не обращая больше внимания на звуки, доносящиеся из каменных жилищ, он двинулся домой. Вскоре из-за поворота показался вход в его собственную пещеру. Деревянный барьер был сдвинут в сторону, и из полутьмы доносились крики, женский визг и рычание. Гант вбежал в пещеру: его жена и еще какая-то женщина катались по полу, сцепившись в яростной схватке. Они царапали друг друга ногтями, и каждая пыталась достать зубами до горла противницы. Гант ударил вторую женщину ногой в бок, она резко выдохнула и обмякла на полу. Отогнав жену, он выволок ее противницу из пещеры и столкнул под откос в заросли кустарника. И, повернувшись, едва успел поймать жену, которая бросилась было вслед. Она вырывалась, отталкивала Ганта, но ему все же удалось вернуть ее в пещеру. Там она перестала сопротивляться и, подбежав к постели, склонилась перед каменной ступенью. Гант потрогал рукой разбитую челюсть, подошел ближе и замер: на полу с разбитым черепом лежал Дан. Гант опустил на колени, взял на руки еще теплое тело сына и заплакал. Прижав его к себе, забыв обо всем, он сидел на каменном полу, с горечью думая о годах, которые хотел посвятить сыну, обучая его искусству врачевания.

Жена неловко погладила его по плечу, пытаясь как-то по своему утешить, и он очнулся от тяжелых мыслей. Вспомнив о том, кто это сделал, он вскочил и выбежал из пещеры. Внизу уже никого не было, но он успел заметить в зарослях чей-то силуэт и бросился вдогонку. Потом остановился... Злость прошла, оставив в душе лишь чувство тяжелой опустошенности.

Он вернулся в пещеру за Даном и пошел в лес. Механически копая землю, Гант совершенно ничего не чувствовал, и только засыпав могилу и отметив место большим камнем, он без сил опустил рядом, закрыл ладонями лицо и снова заплакал.

Позже, не заходя домой, он отправился по руслу вы-

сохшей реки к подножию горы. Там, у каменной осыпи, наполовину скрытая порослью сосняка лежала груда покореженного металла. Глядя на нее, он вспомнил опять тот самый день десять лет назад. Здесь все началось, и все кончилось. Здесь через полмиллиона лет будет Пенсильвания и Пенсильванский университет...

Раньше при виде стальных обломков капсулы у него часто наворачивались слезы, но это время уже прошло. В этом мире еще много работы, и он единственный, кто может ее сделать.

Кивнув собственным мыслям, Гант двинулся вверх по тропе к своей пещере.

Может быть, у него еще будет сын... И сегодня в первый раз больной сам пришел к нему за помощью!

СОДЕРЖАНИЕ

ХЕЙВУД БРАУН	Пятьдесят первый дракон Пер. В.Постникова	3
РОБЕРТ АРТУР	Марки страны Эльдорадо Пер. А. Корженевского	13
ЭДВАРД Д. ХОЧ	Зоопарк Пер. В.Постникова	27
АЛАН АРКИН	Кулинарные возможности Пер. А. Корженевского	30
РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН	...А еще мы выгуливаем собак Пер. А. Корженевского	38
КУРТ САЙОДМАК	Целебная сила греха Пер. В.Постникова	67
ТЕОДОР ТОМАС	Целитель Пер. А. Корженевского	86

ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ ДРАКОН

**Сборник американской фантастики
Вып. 1**

Составитель

Геннадий Борисович Кузьминов

Издательская группа:

Руководитель группы А.К. Гнатюк

Редактор Е.Ю. Грачева

Художественный редактор А.Я. Белослудцев

Технический редактор Т.Р. Стасевич

Корректор Г.А. Аванесова

Сдано в набор 30.01.90. Подписано в печать 20.02.90. Формат 84X108/32. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,04. Усл. кр.-отт. 5,04. Уч.-изд. л. 5,36. Тираж 100 000 экз. Изд. № 4. Заказ 284.
Цена 1 руб. 95 коп.

ИМА-пресс. 103786, Москва, Zubовский бульвар, 4. Набор, корректура и верстка осуществлены на микроЭВМ с помощью программы «Ксерокс Вентура Паблишер» совместным советско-британским предприятием РЕПРОЦЕНТР

Отпечатано с готовых диапозитивов на полиграфическом предприятии «Современник» Министерства печати и массовой информации РСФСР
445043, г. Тольятти, Южное шоссе, 30.

Г р. 95 коп.

